

ZOTOB®

悪

悪

悪

悪

18+

СКЕЛЕТ БОГА

Георгий Александрович Зотов

Скелет бога

Серия «Каледин и Алиса», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17161704

Зотов. Скелет бога: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-095218-2

Аннотация

...В небольшом городе России находят тысячи трупов, размещенных в зданиях в виде... гигантского цветка. Причина смерти одна: все до единого захлебнулись морской водой. Но как это могло случиться, если до ближайшего моря – десятки километров? Более того – какое отношение гибель горожан имеет к схожему случаю на Мальте 100 лет назад и массовым, ничем не объяснимым исчезновениям людей по всему миру в древности? Действие мистического триллера Зотова разворачивается в альтернативной реальности Российской империи, где в 1917 году не произошло революции. Поэтому... ГАРАНТИРУЕМ: удовольствие от прочтения ОБЕЩАЕМ: бессонную ночь за книгой ОСТОРОЖНО: романы Зотова вызывают привыкание!

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	63
Глава 7	75
Глава 8	86
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Зотов

Скелет бога

© Зотов Г. А., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

Та'Хаджрат

*Дай мне в подарок лишь одну ночь —
Я постараюсь тебе помочь.
Скажу, что скрывает в себе глубина, —
Там, за стеною древнего сна...*

Rage, «Beyond the wall of sleep»

Пролог

(остров Мальта, 1916 год)

Она бежала так быстро, как только могла. Спотыкаясь о камни, падала, поднималась и снова неслась сквозь кромешную тьму. По исцарапанному лицу текли слёзы, но Фелиция и не думала звать на помощь. Во-первых, после сцены, которую ей только что довелось случайно увидеть, она орала как резаная... а толку? С вечера шторм, волны режут — и свой-то голос не услышишь, не то что чужой. Во-вторых, поблизости нет НИ ЕДИНОГО человека, в чьей власти её спасти. Местные рыбаки, пусть и крепкие ребята, с бедой не справятся... нужны *другие*. С ружьями, с пулемётами... с чем-нибудь мощным. Боже, лишь бы успеть! Ничего не видно,

она повинуется инстинкту и памяти... кажется, до поворота осталось две мили... ну или около того. Оттуда она выберется на дорогу, а там рукой подать – шлагбаум, фонарь и пост «томми»,¹ скучающих в жёлтом песочном домике. Шестеро солдат. Если они ей и не помогут, по крайней мере отвлекут *тех*. Кого? Этого Фелиция и сама не знала.

Она остановилась, стараясь отдышаться.

Лицо было мокрым и блестело от слёз. Ноги саднило, порезы на икрах сочились кровью. Правая рука страшно болела – схватившись за камень при падении, Фелиция сорвала ноготь на большом пальце. Господи милостивый, Святая Дева Мария... ДА ЧТО ЖЕ ОНИ ТАКОЕ?!

Фелиция закрыла глаза.

Изумрудный свет – очень красивый. Яркий, пробивающийся откуда-то *изнутри*. Солёные брызги. Монотонный звук, поначалу принятый за вой ветра... *Пение*. Мелодия – переливы тонкие и нежные, звон, как от бьющегося хрустала. Утёс над морем. И... нет. Нет! Нет! Хрипло застонав, девушка с отчаянием сдвинула виски ладонями.

Боже, она не хочет ЭТО вспоминать!

Фелиция даже не знала, гонятся ли за ней. Один из *них* просто обернулся и, как ей показалось, взглянул в её сторону. Оцепенение словно рукой сняло – она тут же сломя голову понеслась во мрак. Заметили? Да кто же знает. Проблема

¹ Прозвище британских солдат во время Первой мировой войны (*Здесь и далее примеч. авт.*)

не только в ночных гостях. Даже если она сумеет выпутаться из передряги, отделавшись царапинами и сорванным ногтем, в деревне ей не поверят даже родная мать и лучшие подружки. Посмеются, покрутят пальцем у виска, посмотрят как на седую дуручку Лючию, ту самую, что уже двадцать лет ходит встречать утонувшего жениха на скалу у Мджарр.

Краешек луны выглянул из-за туч, разбавив темноту: мертвенно-бледный свет лёг на поверхность выжженных солнцем гор... Страшная картина – силуэты оскаленных утёсов на фоне серой равнины. Плача, девушка кляла себя последними словами. Зачем, ну вот зачем она сюда явилась? Проклятая легенда. Лишь бы убежать, вернуться домой... и НИКОГДА БОЛЬШЕ! Никогда и на полсотни миль она к морю не подойдёт!

Фелицию не заботило, как поведут себя «томми», увидев обнажённую шестнадцатилетнюю девушку. Однажды на празднике она слышала, как пьяная мать обсуждала с тёткой, что требуется мужчинам. Фелиция тогда ужаснулась: неужели муж в первую брачную ночь сотворит с ней такое?!.. А сейчас подумала – да ради Бога. Она отдаст всё что угодно, если солдаты задержат *их*.

Девушку колотила нервная дрожь, кожа покрылась пупырышками... Дикая жара, а тело словно опустили в снег. Интересно, почему?..

Наверное, это немцы. Нет, точно – больше некому.

После начала войны с Германией на острове боялись, что

фрицы обязательно придут сюда. А как иначе? У них самая лучшая армия и удивительная техника: летающие аэропланы с бомбами, лодки, опускающиеся на большую глубину. Наверное, на таких *они* и приплыли. Ничего, Фелиция всё-всё расскажет «томми». Опишет в мельчайших подробностях. Остаётся понять – где она сейчас? Как далеко от дороги? Куда двигаться дальше? Девушка стиснула в кулаке крестик – края врезались в кожу, но она ничего не чувствовала, кроме животного желания спастись.

«Святая Мать, не оставь рабу свою, заступись, помоги...»

Лунный свет померк – пространство вновь погрузилось во мрак. Попятившись, Фелиция натолкнулась на огромный камень. Обернувшись, пошарила ладонью. Стена. Неровная, шершавая поверхность. Кажется, коралловый известняк. Сердце захлестнула волна ледящего страха. Знакомое место. Ох, до чего же знакомое...

Получается, она всё время бежала не в ту сторону.

Двигаясь наугад, девушка ощупывала стену обеими руками. Здесь должен быть вход. Да, вот колонна. Может, ничего страшного? Зачем так трястись? Она взмолилась небесам, и те откликнулись на просьбу – предоставили ей убежище. В подобную темень разыскать пост «томми» нелегко, так почему бы не отсидеться тут до утра? До восхода осталось не больше двух часов, а там... Её не покидала надежда: раз *они* собрались под покровом ночи, значит, боятся солнца... Или,

по крайней мере, опасаются вылезать на дневной свет. Ей это на руку. Посветлеет – она сообразит, как добраться до дороги. Толстые стены – отличная защита. Если фрицы (или кто они там) сейчас её преследуют, сюда наверняка не заглянут. Пройдут мимо.

Девушку покинули последние силы.

Рухнув на осколки камней, она зарыдала. Вдруг стало всё равно – слышат её или нет.

– Успокойся. Не следовало тебе бежать. Ты пришла куда надо...

Фелиция неистово завизжала, уставившись во тьму. Она не видела лица говорящего, но её одновременно удивляло и пугало то, что голос был ласков, а его интонации завораживали: он будто бы обволакивал бархатом, заворачивал в себя. Виднелись лишь глаза – бледно-зелёные, светящиеся, как у зверя – кота или волка. Неожиданно стало спокойно. Дрожь утихла. Фелиция больше не ощущала боли в изрезанных ступнях. От лодыжек до макушки тело заполнило странное чувство – приятное, сладкое и томительное, как месяц назад, когда она впервые увидела своего Адониса. Девушка поднялась на ноги, одной рукой поглаживая грудь, другой лобок – сначала робко, а затем всё увереннее. Облизнула пересохшие губы. Шагнув в направлении зелёных глаз, она утонула в их глубине, словно провалилась в бездну. Незвестное доселе предвкушение грядущей близости наполнило лоно влагой.

– Возьми меня.

– О да, – любезно согласился бархатный голос. – Именно это я сейчас с тобой и сделаю.

Фелиция не видела, как развалины здания, построенного из огромных каменных блоков, окружили *они* – те самые, кого она случайно увидела в лучах изумрудного света. Существа подходили, смыкая круг. Фелиция запрокинула голову, вне себя от счастья. Ей хотелось, чтобы вся деревня почувствовала сладость, отчаянно терзающую её тело изнутри.

И тут наваждение сгинуло.

Она поняла: сейчас случится что-то очень плохое. Со всем. Даже ужасное.

Девушка раскрыла рот, пытаясь закричать. Лёгкие разорвала страшная боль: корчась, Фелиция прижала обе ладони к груди. Внутренности жгло, будто в тело щедро сыпанули горящих углей. Взгляд померк. Упав на колени перед чужаком, Фелиция взмолилась. О милости. О жизни. Забормотала о том, что ей хочется к маме. И что она никому и ничего не скажет...

– Я очень разочарован, – печально произнёс голос. – Теперь всё будет иначе.

Глаза Фелиции остекленели. Из открытого рта, ушей и носа, пенясь, хлынули струи морской воды...

Глава 1

Цветок

(градъ Корниловъ, 50 вёрсть отъ Архангельска, 2016 годъ)

– Ох, итить твою в телегу! Да неужто сдох? Вот же ж сука хохломская!

Купец первой гильдии Африкан Карпыч Тихомиров, перекрестясь, с душой набрал полный рот слюны и смачно плюнул на дверцу своего новенького автомобиля.

Не так давно сам великий государь (дай ему Господь Иисус Христос доброго здоровычка!) сел за руль детища имперского автопрома «Медведюшка Super», собранного на заводе в посёлке Ковернино, и высочайше изволил проехать на нём цельных 500 вёрст. Правда, злые языки говаривали, император за это время раз восемь поменял машину: сперва она заглохла, затем спустило колесо, а потом «Медведюшка» и вовсе взревел, да и развалился к чертям, едва его величество занял переднее сиденье, – один только руль в монарших ручках и остался. Так или нет, однако ж всех купцов обязали приобрести автомобильчик (минимум по штучке), дабы поддержать отечественного производителя звонкой монетой супротив всяких там «мерседесов» бесовских.

Африкан Карпыч, дурак эдакий, едва ли не первым ко-

шель раскрыл. Заказал честь по чести, с хохломской росписью: санками, конями да птицами красными. Он же небось воистину русский да православный, а фирма его «Святой духъ», что производит лучшие в империи презервативы (да ещё и с благословения митрополита Онежского), – самая престижная. Дочку Африкана на бал в Кремль приглашали, с графьями эклеры господские-с кушать...

Ну и что теперь? Проехал от силы десять вёрстушек: задымил «Медведюшка», харкнул бензином и встал намертво. На дороге, посреди леса! Ну что за говно в Расее-то матушке собирают?! А время, как назло, раннее – народу никого, шоссе пустое. Наплевав на дородность и купеческое приличие, попытался Африкан сеть поймать – уж и подпрыгивал, и приседал, и на сосну хотел забраться (да с неё упал), – не ловит проклятый *рукотрѣн*. Что ж, делать нечего. Придётся, как полному лоху, чапать до городка Корнилова ботиночками из жирафьей кожи от нехристя Гуччи (батюшка специально их святой водичкой кропил), вызывать оттудова техподдержку. Вот Господь-то наказал, а! Это явно за то, что купец в пост не удержался, украдкой ночью ветчинки куснул. Искушал сатана проклятый – и добился, подлец, своего.

Переваливаясь с боку на бок, Тихомиров зашагал по шоссе.

Указатель «Просимъ в Корниловъ» нашёлся быстро. Частенько проезжал он мимо этого городишки, а вот побывать ни разу не довелось. Раньше туточки деревенька Ста-

рые Бублики была, в дальнейшем её переназвали в честь спасителя Отечества генерала Лавра Корнилова, что в августе семнадцатого Временное правительство христианнейше на столбах в Петрограде перевешал. Небось и памятник стоит, как положено-с. Пройдя через триумфальную арку, Африкан приосанился – пусть видят остолопы провинциальные, перед ними не кто-нибудь, а целый купец с капиталом. Одна борода метровая чего стоит, а в каждом перстне брильянты так и сверкают, аж глазам больно. Хе-хе, а домишки-то тут обветшавшие-с. Оно и понятно – городок пусть и вдали от моря, но ветер солёный всё одно дует, он что хошь разъест. Да и отдыхающие сюда не ездят, небось не Сочи аль Таврида, одной рыбой с Архангельска народец пробавляется. Но работать, смотри-ка, никто не любит. Африкан аж до центра дошёл – ни единого человека не встретил. Спят, сволочи. Ничего-с. Сейчас он им краешек бумажки на пять тыщ золотых из портмоне покажет, так враз забегают: чего изволи-те, господин хороший, вам девиц, пицц али шампанеи подать прикажете? Городской глава примчится, орденами тряся, сисясточки из церковного хора хлеб-соль на блюде притащат, а там, пока «Медведюшку» чинят, можно будет и вздремнуть в гостиничке, с барышней сдобной под бочком.

Так... ну и где ж они все?

На главной площади Династии Романовых Африкан огляделся.

Никого. На городской управе повис бело-сине-красный

флаг, на стоянке пылились два пустых таксомотора, неподалёку громоздилась местная достопримечательность, церквушка Святых Петра и Павла – ободранная донельзя, с битыми окнами, – а рядом примерно такого же вида, давно не отремонтированная больница под красным крестом.

Господи, да что ж здесь творится?..

Рукотрёп по-прежнему наотрез отказывался ловить сеть.

Негодующий Африкан Карпыч запустил пальцы в бороду и как следует обложил негостеприимный город Корнилов по матушке. Теперь понятно, откуда в империи кризис, отчего национальная денежка падает, а евры всякие растут, что квашня для блинов. Ежели так гостей встречать, ни одна собака сюды не поедет, а не то что купец первой гильдии. Закончив ругаться, Тихомиров проследовал к управе. И тут его внимание привлёк один из жёлтеньких таксомоторов. Внутри кто-то сидел, точнее, лежал, сразу и не заметишь. Услышал Иисус молитвы, хоть один извозчик на месте.

Приблизившись, купец заглянул в кабину...

И отпрянул. На переднем сиденье, свесив голову, застыл человек с синим, как у Фантомаса, лицом. Закатившиеся белки глаз не оставляли сомнения: он мёртв, причём давно... Вне себя от ужаса, Африкан побежал – ноги сами несли его в сторону городской управы. Ворвавшись в здание, он поскользнулся – пол был залит водой, да так, словно где-то прорвало трубу. В ботинках сразу захлюпало. Купец сделал шаг и рухнул, подняв фонтан брызг.

Он упал точно между двумя трупами.

Первый – городской в парадной белой форме, с саблей, прицепленной к ремню, совсем молодой. Второй – по виду начальник местной стражи, пожилой, с усами. Оба покойника выглядели братьями-близнецами извозчика таксомотора – с синим «фантомасским» лицом и закатившимися глазами. Из открытого рта городского, струясь, стекали прозрачные капли. Встав на четвереньки, Африкан затрясся мелкой дрожью – тела лежали всюду, складываясь в непонятную, загадочную композицию. Треугольник, квадрат или ромашка – он не разобрал. Жмуриков вокруг хватало – и другие стражники, и секретарша на входе, и даже уборщица из персиян – со спутавшимися тёмными волосами, плавающими в воде. Икая и пятясь, купец выполз на улицу. Во рту стоял солёный привкус. С трудом поднявшись, шатаясь, он пересёк площадь и вошёл в церковь. Африкана совсем не удивило то, что он увидел там. Ведь ему больше не было страшно.

Абсолютно та же картина.

Вода на полу. Мертвецы, которых кто-то заботливо сложил в замысловатый рисунок. Труп священника в центре. Девушки из церковного хора по краям, как украшение. Прихожане. Цветок из четырёх лепестков, целующий сам себя мёртвыми телами.

Африкан почти не запомнил дальнейшие события.

Кажется, он бродил по городу. Искал хоть кого-то живого. Трупы были везде. В лавках местных торговцев, на остано-

ке трамвая, у синематографа и в каждом доме, куда он заходил. Несколько раз попался телефон-автомат, но купец не обратил на него внимания – не до звонков было, он пытался понять лишь одну вещь, сводившую его с ума:

ЧТО ИМЕННО УБИЛО ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КОРНИЛОВА?

Через пару часов вымокший до нитки, измученный Тихомиров вошел в ресторацию «Парижъ». На полу валялись две официантки с синими лицами, за стойкой, уткнувшись в неё лбом, сидел хозяин. Взяв из холодильника запотевшую «Православную», купец опустил ее за столик – рядом с одним из мёртвых посетителей. Налив себе стакан, он залпом выпил, стуча зубами. Вкуса водки Африкан не почувствовал, но у него закружилась голова.

Он внезапно понял, на что похожа жидкость на полу.

Морская вода. Море. А люди – утопленники. Неясным образом они утонули... Но почему? Неужели Корнилов затопила эта японская хрень... то бишь цунами? Однако машины не перевёрнуты, нигде нет грязи, никакого песка и водорослей... а весь город захлебнулся.

Такого не может быть. Африкан просто помешался. А может быть, впал в кому, и ему всё видится в бреду. Разбился на «Медведюшке Super», попал в чистилище. И один лишь тусклый проблеск в туче плохих новостей. Это чудовищно, но есть маленькая радость: похоже, в чистилище наличествует бесплатная водка.

Умиротворившись этой мыслью, купец налил себе второй стакан и поднёс ко рту...

Сквозь дно Африкан увидел: в дверном проёме ресторации застыла фигура.

– Спасибо, что зашёл, – услышал он мягкий, бархатный голос. – Я обожаю гостей.

На купца смотрели два светящихся глаза – чудесного, небывалого изумрудного цвета...

Глава 2

Обезьяна с манго

(градъ Москва, переулокъ Святой Троицы)

Она была намного моложе Фёдора Каледина. Тот чувствовал себя не в своей тарелке.

«Ведь всё равно же добьётся своего, – лихорадочно мыслил Фёдор. – Надо повернуть дело быстрее, желательно за пару минут, и сделать вид, что ничего не было. Если Алиса вдруг застукает – мне не поздоровится». Он прикусил губу. Времени было в обрез.

– Ты точно уверена? – спросил Фёдор и получил в ответ спокойный кивок. – Пойми, если нас застанут...

– Не застанут, – с усмешкой сказала она. – Ты ведь знаешь – мы это делали много раз.

Каледин отметил про себя её крайнюю наивность и жизненную неопытность. Вот женщины часто думают, что умнее всех на свете. С Алисой он это уже проходил.

– Угу, так всегда говорят, а потом попадают, – вздохнул он. – Наглость – второе счастье, однако опасно заходить слишком далеко. Тебе знакома осторожность? Частое желание вкусить запретный плод похвально, но не забывай осознавать последствия своего шага.

Улыбка исчезла с её лица, и Фёдор вздрогнул. Он понял, что сейчас произойдёт.

– Я больше не приеду к тебе на выходные, – сообщили ему до крайности ледяным тоном.

Угроза была существенной. Секунд пять Фёдор лихорадочно перебирал в мозгу все возможные варианты, но потом сдался – противопоставить шантажу было нечего.

– Ладно, чёрт с тобой, – согласился он. – Иди сюда. Только давай быстро, ладно?

– Ты же знаешь, я всегда быстро, – цинично напомнила она. – Чего тянуть?

Однако прав оказался всё-таки Фёдор, преисполненный тайных сомнений. Оба так увлеклись своим занятием, что не заметили приход Алисы. Та появилась на кухне в момент острейшего наслаждения: когда Варвара, высунув язык, облизывала ложку.

– Каледин, ну ты и тварь! – устало заявила Алиса. – У нашей дочери три дня как ангина прошла, а ты кормишь её мороженым! Тебя даже на час с ребёнком оставить нельзя!

Фёдор попробовал сгладить ситуацию.

– Ну, дорогая... – мягко начал он. – Ты же знаешь, мне сложно ей отказать...

– Господь Всемогуший явно наказал меня тобой за эротический сон в десятом классе гимназии, – отрезала Алиса. – Действительно, ты разве хоть одной женщине в своей жизни откажешь? И я тебе не «дорогая», не смей меня вообще так

называть – мы в разводе!

– Учитывая, какую сумму ты себе оттяпала, я просто не могу называть тебя иначе, – улыбнулся Каледин. – Меня восхищает твой метод. Выйти вторично за меня замуж, венчаться, а потом через год опять развестись, присвоив графский титул, но не поскупившись на приличную взятку за право оставить старую фамилию. Как это мило!

– За год жизни с тобой меня как минимум должны избрать папой римским, – парировала Алиса. – Варвара, дочь моя, иди в свою комнату. У меня предстоит скандал с твоим отцом.

– Яволь, майне мутер.² – Варвара, забрав со стола статуэтку барона Субботы, направилась в сторону детской. – Только не орите, ладно? Вы фильмы ужасов заглушаете.

После исчезновения Варвары Алиса и Фёдор с минуту мрачно смотрели друг на друга. Алиса зачем-то заглянула в мойку, потом в кухонный шкаф и почесала в затылке.

– Осчастливлю новостью: я слишком сильно утомлена работой, – деловым и скучным тоном сообщила она. – Поэтому не буду скандалить. Можно сказать, тебе повезло.

– О, спасибо, – флегматично кивнул Каледин. – Видимо, с прошлого скандала, когда ты перебила все тарелки, новая посуда в мойке отсутствует... а произносить слова без звукового оформления в виде непрерывного грохота и звона тебе кажется непростительной ошибкой. Я больше не нужен?

² Слушаюсь, мама (нем.).

Тогда поеду, в полиции скоро совещание.

Алиса прекрасно понимала – отпустить экс-супруга будет проявлением слабости.

– Может, на почве политики пересобачимся? – сделала она робкую попытку.

– Это не повод, – жёстко оборвал её Каледин. – Я вообще тебя в последнее время не узнаю. У нас в МВД люди скоро с тобой здороваться перестанут. Приезжаешь разбирать криминалистику, и ни тебе визга, ни разбитой чашки, ни шпилек в мой адрес. Меня даже спрашивали – что с ней такое, неужели для профилактики в буддийском монастыре свою немку насильно полгода продержал? Князь Кропоткин на корпоративе выдвинул версию – мол, я тебя убил, а сам подменил персиянкой, сделав ей пластическую операцию. Народ посмеялся, но кто-то очень серьёзно в глаза посмотрел... Ради Бога, что случилось?

Алиса почувствовала – она сейчас расплчется.

– Я так устаю на работе, – пролепетала Трахтенберг, всхлипывая. – Ты же знаешь, с тех пор как князь Сеславинский ушёл в отставку и уехал в свой домик в Ницце, меня сделали директором Центра криминалистики. Приезжаю вечером домой никакая – Варварушкой заниматься надо, «Кошмар на улице Вязов» включить, в «Ходячих мертвецов» поиграть, а я засыпаю на ходу. Графиня, на гербе изображены два слона и змея на нефритовом поле, а пашу, как вол... Веришь ли – недавно еду на машине, меня подрезали,

так я даже матом того извозчика не покрывала! Прочла молитву, включила музыку да отбыла восвояси...

Каледин похолодел.

– А я-то голову ломаю о причинах... Слушай, ну с этим надо что-то делать.

– Да чего тут сделаешь?! – Алиса уже давилась рыданиями. – Вон даже и ты говоришь – я совсем на себя не похожа. Нервы стали ни к чёрту. Ни поскандалить, ни наорать, ни выругаться. Я абсолютно не знаю, что меня дальше ждёт. Наверное, отдам тебе Варвару и реально в буддийский монастырь уйду – только там таким, как я, теперь и место.

– Не бойся, – положил ей руку на плечо Каледин. – Я воспитаю нашу дочь настоящей истеричкой.

– Обещаешь? – улыбнулась Алиса сквозь слёзы.

– Будет нелегко, но я постараюсь, – заверил Каледин. – Правда, потом уже мне самому придётся скрываться в буддийском монастыре, но это, разумеется, мои проблемы. Ладно, пора ехать, иди корми ребёнка ужином. Хотя знаешь... есть у меня один метод... я в нём не уверен, но попробовать стоит – вдруг поможет... Всегда тебе хотел сказать, раньше стеснялся, а теперь-то какая разница, верно? Короче... ТЫ ПЛОХА В ПОСТЕЛИ!

На кухне воцарилась терзающая душу тишина.

– И с кем ты сравнивал? – ледяным тоном осведомилась Алиса.

– Ой, да много с кем, – небрежно махнул рукой Каледин. –

Немки, разве они чего могут? А я свободный человек после развода, к тому же видный и на ласку заводной. Я ух какой красавчик, правда? Золотые в кошельке хрустят, небрежная небритость, футболка «Раммштайн» – и всё, любая готова. В Камасутре опять-таки пару поз подсмотрел – «лошадь, объятая обезьяной с плодами манго», и «предрассветное ногосплетение Кришны, повисшего вниз головой». Вот там экстаз, феерические ощущения! С тобой же, Алиса, я имитировал оргазм. На службе посоветовали – берёшь на стакан воды пять конфет «Раффаэлло», и... так, послушай, а зачем ты нож со стола взяла? Орать не будешь?

– Зачем орать? – отчеканила Алиса, холодно блеснув глазами. – Я тебя просто зарежу.

Оценив опасность, Каледин отступил в прихожую. Они стояли друг напротив друга – крепко сложенный блондин в синем вицмундире Министерства внутренних дел Российской империи и рыжая красавица в строгом чёрном костюме и столь же мрачных, пусть и модельных, туфлях. «Так она явится и на мои похороны», – подумал Каледин.

– Ты ведь не хочешь этого делать, правда? – заискивающе улыбнулся он.

– Очень хочу, – нежным голосом мечтательно произнесла Алиса. – Тебе пиздец, моё счастье. Ты довёл меня до белого каления. Я порежу тебя на ленточки, а присяжные потом страданицу оправдают. И пожалуйста, не кричи в процессе – это испугает ребёнка.

– Я так понимаю, последующее расчленение трупа и замыывание прихожей от крови ничуть её не испугает, – сделал вывод Каледин. – Что ж, она достойная дочь своей матери. Придётся вырубить тебя приёмом джиу-джитсу. Присяжные возражать не будут.

Телефон зазвонил так громко, что оба вздрогнули. Каледин отметил – он ещё никогда не был так рад телефонной трели. Положив нож на столик в прихожей, Алиса сняла трубку.

– Графиня фон Трахтенберг у аппарата. Слушаю вас, милостивый государь...

Через пару секунд её лицо вытянулось.

– Да, хорошо. Конечно, ваша светлость, я понимаю всю сложность ситуации. Мы срочно отвезём Варвару к гувернантке, и я вам сразу же перезвоню. Не извольте беспокоиться.

Она отключила связь и повернулась к Фёдору. Ему не нужно было ничего объяснять. За годы двух неудачных браков он научился читать по лицу бывшей жены.

– Куда мы едем? – скучно спросил Фёдор, надевая перчатки.

– Мы летим, – сообщила ему Алиса. – За нами сейчас пришлют вертолёт.

Проблеск № 1

Танец со змеями

(Южная Европа, 3654 г. до н. э.)

Мирэ искренне гордился своей новой должностью. Золотое кольцо в левом ухе и ещё два в носу – отныне и навсегда знак его принадлежности к особой касте. А весят-то сколько, до сих пор ноздри кровоточат... но ничего, это приятная тяжесть, в удовольствие. Пожилые родители (каждому из них пришлось, согласно обычаю, отрезать по пальцу на левой руке в день посвящения) плакали не от боли, а по причине чистейшего счастья. Их единственный сын причислен к касте Хранителей, почти равных самим богам. Двери Храма Клевера навсегда затворятся за ним, и мать с отцом больше никогда не увидят свою кровиночку. Тяжело и страшно. Но... боги великие, какая же это грандиозная честь, особенно для семьи полунищего рыбака! Соседи по улице локти себе искусаили, их жёны залились слезами зависти, мясник униженно просил брать баранину бесплатно до конца года, а ростовщик первый прибежал, запыхавшись, тряся толстым брюхом, умоляя забыть о долге. Ещё

бы. Старейшины рассказывали – благодаря чудесному дару Хранители чувствуют и видят всё за пределами Храма Клевера, и если что – обидчику не сдобровать. К стенам святилища простым смертным нельзя даже приближаться: во время поклонений они способны наблюдать чудо лишь с расстояния в триста локтей. Сугубо таинственной касте Хранителей дозволено служить богам в чертогах из красного гранита, и только одного юношу или девушку раз в месяц избирают для этой чести Стражи – дряхлые, полуслепые жрецы, с трудом сидящие на тронах.

Мирэ вдоволь успел насладиться приобретённой популярностью. Повёл ораву друзей в самую дорогую харчевню, и они вкушали благородное вино до утра – за счёт заведения. Ночь закончилась сногшибательно: под утро его ублажали сразу две девицы – дочь правителя города и племянница одного из Стражей Хранителей: видят боги, они от всей души старались так, как невеста не старается для возлюбленного в брачную ночь. Кажется, Мирэ ещё не проснулся, не бывает такого наяву. Посудите сами. Он ходит по городу, и под ноги ему сыплются лепестки роз. Знатнейшие господа целуют подол туники сына беднейшего рыбака, чья семья в долгах как в шелках. Девушки обжигают его взглядами, готовые на всё за одно-единственное прикосновение. Он ещё не перешагнул порог Храма Клевера, а уже практически стал богом. Остался лишь заключительный ритуал, и он обязательно осуществится, как только прольются

последние капли в водяных часах, стоящих посреди квадратной комнаты.³

Сто капель назад завершился главный танец.

Для него плясали сразу три лучшие, бесподобные в своей красоте жрицы острова. Изгибы их тел скрыты от взора самого царя, поскольку царь не имеет власти над Храмом Клевера. Каждая девушка держит в руке живую змею, это древнейший танец в честь богов – надо как следует извиваться, дёргаться из стороны в сторону, кобры ведь настоящие, с ядовитыми зубами, и танцовщицы многократно упражняются заранее, дабы избежать змеиного укуса. Глядя, как совсем рядом с ним (под шипение недовольных кобр) извиваются обнажённые тела с капельками пота на животах, Мирэ едва не испытал сердечный приступ. Боги, что именно его ожидает? Про Хранителей в городе рассказывали разное. Дескать, те живут в потрясающей роскоши, имеют всё, что душе угодно, но со строгим условием – никогда не покидать стен Храма Клевера. Фактически, жрецы сливаются с богами, становятся неотличимы от них. Они заточены здесь до конца жизни, старятся, умирают. И даже после смерти не имеют права оказаться за пределами Храма – остаются лежать в каменных могилах на священном кладбище возле Алтаря. И пусть кому-то это покажется золотой

³ Водяные часы были изобретены в глубокой древности и имелись во всех дворцах Вавилона, Римской империи, греческих городов-государств. Промежуток времени определялся каплями воды, вытекавшими из отверстия, сделанного на дне медного сосуда. Вышли из употребления к XVII веку.

клеткой, что может быть чудеснее? Ты больше ничего не делаешь – просто возносишь молитвы богам и предаёшься удовольствиям. Хранители носят лучшие одежды, обладают прекрасными женщинами, едят самые вкусные и изысканные блюда. Вот и сейчас стол в комнате накрыт столь щедро, словно на семерых, Мирэ предложены редчайшие кушанья, достойные уст царя царей. Разве можно не прикоснуться к козьему сыру, зажатому среди спелых, лопнувших плодов инжира, к жареным кускам истекающей жиром ягнятины, к плошкам, полным горного мёда? Конечно, набиваешь себе брюхо до самого предела, ибо ты сроду такого не едал. Главное – никакой рыбы. С детства в семье каждый день на обед подавали уху: ставриду Мирэ давно уже видеть не может. К счастью, повара Храма Клевера столь заботливы, что загодя спрашивают нового Хранителя о предпочтениях.

Ох, сил больше нет... Недоеденная ягнятина плюхается обратно в плошку, он вытирает жирные пальцы о тунику. Желательно напоследок прикоснуться к обнажённым телам жриц, но... сытость патокой склеивает веки Мирэ. Ничего, он ещё займётся девицами... завтра или послезавтра. Торопиться некуда. Ведь служителям богов ни в чём нет отказа.

Хранитель не заметил, как танцовщицы покинули комнату.

Он задремал, уронив голову с тремя подбородками на грудь – пусть юноше из бедной семьи недавно сравнялось двадцать лет, толст он был не по годам.

В помещение, бесшумно скользя босыми ногами по гранитному полу, вошли двое в зелёных одеждах. Осмотрев спящего, они кивнули друг другу. Выходя, незнакомцы дёрнули по рычагу справа и слева от центральной двери и исчезли.

Гранитный пол начал постепенно опускаться.

Мирэ пришёл в себя, только когда морская вода добралась ему до шеи. Он принялся кричать, но никто не явился на зов. Неплохой пловец от природы, парень быстро избавился от туники и, повинаясь инстинкту самосохранения, рванулся вперёд по подводному туннелю, стараясь сохранять в груди остатки воздуха. Уже из последних сил, наглотавшись горько-солёной жидкости, он всплыл на поверхность бассейна в тёмном гроте. Кашель раздирает лёгкие, но его это не волновало. Хвала богам, он жив. Наверное, произошло недоразумение. Как же ему выбраться отсюда? Хранитель громко позвал на помощь, и от сводов отразилось гулкое эхо. Затем он услышал какое-то движение. Во мраке внезапно засветились изумрудами глаза непонятого существа. Он не успел испугаться. Что-то большое сочно плюхнулось в бассейн рядом с ним, подняв фонтан брызг. И через пару секунд, в последние моменты своей жизни, Мирэ осознал, почему многие сотни лет Хранители сливаются с богами, считаются равными им, а также никогда не выходят за пределы Храма.

Потому что они являются пищей богов.

Глава 3

Бездна

(славный градъ Корниловъ, площадь Династiи Романовыхъ)

Если в самом начале, трясясь в вертолѣте по пути к аэродрому, и далее, проведя два часа в аэроплане до Архангельска, Алиса пребывала в сильном огорчении (к счастью, это её состояние совпало с сонливостью, не принеся вреда окружающим), то ближе к приземлению она успокоилась, ибо поняла: бесполезно впустую психовать, на свете почти нет вещей хуже, чем пассажирский аэроплан «Илья Муромецъ»⁴ имперского производства. «Железная птица» едва не развалилась при взлѣте, хотя дежурный авиабатюшка (они летали каждым бортом для спокойствия пассажиров) трижды прочёл «Отче Наш». Алисе еда не лезла в горло, на томатный сок было противно смотреть, в то время как мерзавец Каледин ничтоже сумняшеся спросил у бортпроводницы двойную порцию водки и выпил её в компании с директором де-

⁴ В реальной истории «Илья Муромец» (также называвшийся «летающий слон») – тяжѣлый бомбардировщик конструкции Игоря Сикорского, применявшийся на фронте Первой мировой войны в 1914–1917 гг. Логично предположить, что, не случись революции, именно эта марка стала бы первой в русской авиации.

партамента полиции Муравьёвым и шефом Отдельного корпуса жандармов Антиповым.

«Всё-то этим трём боровам нипочём, – злилась Алиса, борясь с тошнотой. – И почему мужикам так везёт по жизни? Мало того, что им не надо брить ноги, ещё и полёт переносят нормально. Сволочи». Она явственно, с весьма красочными подробностями представила себе падение «Муромца» (так, что присутствующих в салоне скотов порубило на фарш обломками турбин, но самая прекрасная женщина на свете, разумеется, осталась в живых), и ей немного полегчало.

«Муромец» приземлился, загредев всеми деталями, жутко свистя и ухая. Алиса выдохнула и перекрестилась. В Бога она не сказать, чтобы верила, однако отечественная авиация, развитие каковой поддерживал персонально государь император, за считанные минуты могла кого угодно сделать религиозным фанатиком. На аэродроме она кокетливо позволила губернатору поцеловать её ручку и выслушала комплимент на ужасном немецком. Каледин бесстрастно посмотрел на чиновника, зачем-то положив ладонь на эфес шпаги. Тот поперхнулся, и похвалы в адрес «гнедиге фрау»⁵ как-то сразу увяли – о дуэльных способностях Фёдора в империи ходили легенды, а во Всеволодь-Сети у него появилось целое сообщество барышень-поклонниц, что немало раздражало Алису.

Затем они долго ехали до Корнилова по ухабам и рытви-

⁵ Милостивая сударыня (нем.).

нам.

Алиса прокляла и Каледина, и имперскую провинцию, и себя – за то, что согласилась на эту поездку. Она прикрыла глаза и начала усилием воли представлять, сколько чудес ей удастся купить на гонорар в бутиках Prada и Gucci. Это всерьёз захватило пассажирку: когда Каледин стал трясти её за плечо со словами: «Просыпайся, приехали!», Алиса едва не выложила ему запас русских слов, применяемых в особой ситуации. Не будь рядом Антипова, Муравьёва и семипудовой туши губернатора, она бы так и сделала. К несчастью, глава Центра криминалистики попросту обязана излучать кротость и милосердие. Даже если перед ней находится дважды бывший муж, коего она сто семнадцать раз убила в мыслях столь изощрёнными способами, что побледнели бы матёрые ацтекские жрецы.

Впрочем, уже через минуту её злость как рукой сняло.

Корнилов был мёртв. Всё население городка – около пяти тысяч человек – лежало на улицах, в домах и магазинчиках. Алиса с содроганием подумала, что в жизни своей не видела столько трупов сразу; да и с лица Каледина исчезла вечная язвительная усмешка. «Господи, какова цель подобной резни?! – пронеслось в голове. – Суток не пройдёт, сюда примчится вся мировая пресса, телевидение... МАССОВОЕ УБИЙСТВО. Что здесь произошло? Паралитический газ? Отравление? Испытание неведомого оружия?»

На площади Династии Романовых их поджидали спец-

фургоны жандармов.

Обер-медэксперт, под чьим белым халатом призрачно просматривались погоны штабс-капитана Отдельного корпуса, отдав честь, поприветствовал Антипова. Его лицо плотно закрывала защитная маска, и точно такие же он немедля раздал всем присутствующим. Хотя сразу оговорился – надеть их следует предосторожности ради, на всякий случай.

– Определённо, тут возможны и вирус, и отравляющие элементы. Ах, да, – спохватился он, – позвольте представиться, сударыня и господа. Меня зовут Хайнц Модестович Шварц, я из Дрездена, работал в прежние времена вместе с его величеством. Так вот, мы провели поверхностный, но всё-таки достаточный анализ двадцати выборочно взятых кадавров. Причина смерти во всех случаях одна и та же: покойные захлебнулись морской водой-с. Искренне подозреваю, что конечный результат окажется схож и у остальных трупов.

Антипов издал сквозь маску непонятный звук, сравнимый с хрюканьем кабана.

– Захлебнулись? Сударь, да здесь до моря, почитай, добрых полсотни вёрст!

Специалист искоса взглянул на жандарма и ехидно подтвердил:

– Безусловно. Именно поэтому у меня, ваше высокопревосходительство, тоже возник вопрос – каким образом пять

тысяч человек могли разом утонуть в морской воде, если до ближайшего моря умучаешься на машине ехать? Ощущение, что Корнилов попросту в одночасье провалился в глубочайшую океанскую бездну-с. И главное – все эти люди погибли одновременно, за полторы-две минуты. Предположить, что некий маньяк-убийца ходил и макал их по очереди головой в таз, я, простите, никак не могу-с. Сейчас мы проводим тест, дабы выяснить происхождение этой самой воды. Скоро узнаем.

Антипов кивнул, сделав вид, что не заметил дерзкого тона. Немец, да ещё и работал прежде вместе с государем – чёрт разберёт, чего от него можно ожидать. После воцарения императора на престоле Москву наводнили захудалые дрезденские бароны, кичившиеся тем, что когда-то охотились с высочайшей особой на оленей, кабанов и пили пиво в одном биргартене.⁶ Хамнёшь такому, а он, собака, позавчера императору банные веники в шнапсе вымачивал.

– Записи на камерах видеонаблюдения сохранились? – спросил флегматичный Каледин.

За последние семь лет Фёдор своими глазами увидел появление средневекового убийцы с рецептом вечной молодости из кровавых ванн, а также толпу живых трупов на дистанционном управлении. После этого панорама полностью погибшего города – не то чтобы стандартное зрелище, но как-то уже настраивает на лад: жди привычных проблем.

⁶ Простонародная пивная в Германии, буквальный перевод – «пивной сад».

– Нет, – покачал головой Хайнц Модестович. – Камеры отключились в десять часов двенадцать минут. Наши сотрудники пытаются разобраться, что произошло до этого времени, но пока итоги неутешительны. Честно говоря, я несколько удивлён и...

К нему подбежал толстяк-сотрудник и зашептал на ухо. Шварц кивнул.

– Господа, – произнёс он, – мы наконец-то нашли того, кто умер значительно позже, чем остальные. Судя по документам, это купец Африкан Тихомиров, его тело обнаружено в ресторации «Парижь». Попрошу следовать за мной.

По пути Каледина вдруг осенило – с тех пор как они покинули машину, Алиса не произнесла ни слова. Это было настолько на неё не похоже, что Фёдору стало не по себе. Он оглянулся – Алиса шла, уткнувшись лицом в яблзвон и пару раз споткнулась, едва не плюхнувшись в лужу. «Гаджеты – зло, – подумал Каледин. – Эпидемия настоящая. Люди без этих идиотских девайсов даже в уборную не ходят. Вот что нам мозг в итоге съест, а не революционеры». Сам коллежский советник (чин, равный полицейскому обер-кригскомиссару) имел в собственности самый обычный *рукотрён* отечественного производства, затёртый донельзя, поскольку технические новшества с детства воспринимал со скрипом. Страсть экс-супруги к продукции фирмы «Эппл» раздражала его безмерно: эту моду ввёл в обиход младший император, бывший соправитель августа – цезарь.

Типа, если у тебя нет яблозвона, так ты и не дворянин.

– Никак в Мордокниге похвальбы ставишь? – ехидно осведомился Каледин.

Случись им быть наедине, он сказал бы про «лайки в Фейсбуке», но по указу императора чиновникам вне закрытых совещаний, в присутствии простонародья требовалось выражаться патриотично. Эвон, губернатор Екатеринодара вякнул на днях «автобус» вместо «пых-пых самоезд», так теперь на Камчатку главой купеческой артели уехал – моржовую кость оптом заготовливать. Войдя в возраст, государь обрусел окончательно. Любое неприятие православия и критика славянской идеи вызывали в нём гнев вкупе с раздражением. Он всё чаще появлялся на публике (даже летом) в шапке Мономаха, неделями не снимал кафтан, сшитый по лекалам XVII века, бил поклоны перед мощами и кушал просвирки, освящённые на Валдае слепым иеромонахом Евстафием, славившимся очистительными молитвами. Многие чиновники, видя такой расклад, втихую поменяли имена на исконно русские – министр славянской культуры Бернгард Штюмер стал Евпатием Медовухиным, а глава государственного телевидения Леопольд фон Браун получил паспорт на имя Святополка Боголюбского. Странно, что Хайнц Модестович ещё удержался – ну так, поди, уже размер бороды подбирает и кафтан у Собашкина заказал.

Алиса, не взглянув на бывшего мужа, помотала головой.

Она хранила молчание и в ресторации «Парижь». Не про-

ронила ни слова при осмотре «цветка» из мёртвых тел в церкви Петра и Павла. Отказалась от комментариев в заваленной трупами городской управе. Дошло до того, что сам Антипов с удивлением кивнул Каледину в сторону Алисы. Фёдор лишь развёл руками. В примерном переводе это значило «Да чёрт её разберёт, ваша светлость. Но от яблозвона лучше не оттаскивать – предметами кидается». Антипов издавна привык – рот у графини фон Трахтенберг способен часами не закрываться, и её молчание не то что удивляло – откровенно пугало. Закончив осмотр и выслушав очередной скучный официоз от Шварца – дескать, и другие исследованные покойники, включая купца Тихомирова, тоже захлебнулись морской водой неизвестного происхождения, – группа проследовала в зал совещаний, наспех оборудованный в гостинице «Англетерь». Здание заранее было очищено от мертвецов и подключено к Интернету (согласно чиновной инструкции, его следовало именовать Всеволодь-Сетью), у входа встали бойцы с нашивками на рукавах «Стрельцы особого назначения». Каледин, улыбнувшись, пожал руку старому знакомому из его отдела – вахмистру казачьего спецназа Семёну Майлову, и вошёл. В обшарпанном зальчике разместились все – и группа экспертов, и следователи, и офицеры Отдельного корпуса жандармов. Алиса едва не села мимо кресла, не в силах оторваться от яблозвона.

«Господи, – грустно подумал Каледин. – Вот честное слово, чего я в ней нашёл? Готовит хорошо, конечно, и в постели

класс. Ребёнок вполне неплохой получился, хотя тут больше моя заслуга, разумеется. Однако это дикое увлечение «Эпплом» – застрелиться можно».

Муравьёв в изрядном смятении взирал на Алису.

– Госпожа графиня, – с изысканной вежливостью, но без надежды позвал он.

Алиса не обратила на него внимания. Директор департамента полиции страдальчески посмотрел на Каледина, тот автоматически развёл руками, что на этот раз значило «А я-то тут при чём?». Муравьёв кашлянул и постучал по микрофону, дав сигнал к началу заседания. Алиса встрепелась. Она посмотрела вокруг, и Каледин сообразил – сейчас будет нечто исключительное. Спросит, где здесь бутик Dior с сезонными скидками.

– Господа, – сухо произнесла Алиса. – У меня чрезвычайно важное сообщение.

Она повернула к залу экран яблосфона с размытой тёмно-зелёной картинкой.

Глава 4

Благие прекрасности

(Кремль, спальня великаго государя)

После официального разъезда с цезарем (младший император, происхождением из пасечников, отбыл на жительство в Санкт-Петербург) и скандального развода с царицей Евфросиньей (бывшая поп-певица Бритни Спирс была осуждена Синодом за тайную амурную связь с князем Потёмкиным и пострижена в монастырь под именем инокини Марфы), характер государя императора испортился окончательно. Прежде царь слегка играл в демократию, ему нравилось осознавать – пусть он изредка ошибается, но в то же время до крайности мудр и милостив. Теперь монарх уверовал в своё исключительное мессианство и особенно в мысль, что России в лихую годину испытаний его послал персонально Господь Бог. По телевидению в новостях ежедневно рассказывали о том, как государь исцелял смертельно больных, возвращал молодость старушкам и наставлял подсевших на кокаин отроков на путь истинный. Правда, появились проблемы с хождением по воде – лейб-изобретателям Кремля никак не удавалось разработать профессиональную модель надувных лодочек-галош, дабы царь-батюшка прогуливался по поверхности прудов, аки посуху. Кроме того, широко освеще-

щаемый в прессе полёт с грифами на дельтаплане привёл к катастрофе: монарх обрушился вниз, задавив при этом пару стервятников и одного фотокорреспондента. С недавних пор государь истово соблюдал пост, строго наказывая сановников, кои греховно осмеливались вкушать в Страстную пятницу колбасу. Но что пугало министра двора графа Шкуро более всего – август совсем перестал воспринимать неприятные новости, его нервировал даже прогноз неурожая яблок. Понаблюдав, как неискушённые в лести министры едут торговыми представителями на Чукотку и Кавказ, Шкуро принял гениальное по сути решение.

Отныне всю утреннюю правду государю докладывал телемонархист Матвей Квасов. Именно этот хмурый седой бородач сменил утратившего доверие прежнего монаршего восхвалителя – Леонтия Михайлова, под влиянием водки однажды назвавшего царя в прямом эфире не «помазанником», а «намазанником Божиим» и сосланного в пресс-секретариат банка «Корона». Квасов происходил из крепостных, от природы был смекалист и знал, как преподнести царю плохое так, чтобы оно выглядело отличным.

...Государь возлежал на подушках у себя в спальне – будучи облачён в серый халат лейпцигского покроя, он с удовольствием смаковал свежайший кофей, заваренный старушкой-саксонкой, самолично вывезенной им из Дрездена. В сущности, в России императору нравилось всё – кроме, собственно, народа и излишней популярности чёрного чая.

Чашечка мейсенского фарфора приятно грела руку, а булочки на подносе пахли попросту восхитительно. В дверь спальни постучали – вежливо и до крайности робко.

– Да-да, – с максимальной милостью произнёс государь император.

В монаршие покои вошёл Матвей Квасов, одетый в боярский кафтан с длинными рукавами и расшитую царскими вензелями шапку. В руках гость держал айпэд в чехле из сафьяна с золотым двуглавым орлом. Не мешкая, Матвей бухнулся на колени, воздев перед собой айпэд, как икону. Император небрежно махнул рукой, восхвалитель присел на краешек дубового стула у кровати, раскрыл чехол и ткнул пальцем в экран планшета.

– Какие новости? – буднично спросил государь.

Лицо Квасова озарилось верноподданнической ухмылкой.

– А какие они могут быть, милостивец? – искренне поразился он. – В твоей империи сплошь благие прекрасности. Вот смотри, например, погода сегодня на диво чудесная.

– Отчего ж чудесная? – усомнился царь. – Я слышал, с утра ливень шёл стенами.

– Так и славно! – не растерялся Матвей. – Водичка с небес – дар Господень. Пшеница уродится, засухи не будет, калмыки верблюдов загодя напоят – разве не счастье?

– Однако, град потом был... – неуверенно заметил император. – Побил все огороды...

Квасов в неподдельном изумлении всплеснул руками:

– А град – чем плохо? Вот сидят где-нить в деревне-с на завалинке мужички с виски «Джек Дэниэлс», оно тёплое и желудок смущает, а тут – Боженька льда в стаканы накидал. И радуются они, и славят твоё имечко пресветлое, великий государь-надёжа.

Поразмыслив пару секунд над версией Квасова, император удовлетворённо кивнул.

– А что там в Республике Финляндской сейчас творится? – поинтересовался он.

– Ууууу, бунтуют, собаки, – затряс бородой Матвей. – Стреляют друг в друга – западные да восточные, пламень до небес, городов-то пожгли... почитай, всю Лапландию разнесли к свиньям на кирпичики, ужас што делается. Страх сплошной, твоё величество, да и всё.

– И по какому поводу? – удивился государь.

– Так известно по какому – в твою империю назад хотят, – сказал Квасов, не моргнув глазом. – Уж в ноги падают, умоляют и унижаются. Финляндия што за держава? Всё плохое у нас копируют, окайнные. Прессу свою цензурируют, корреспондентов за правду в острог сажают, города собственные обстреливают из дальнобойной артиллерии-с.

– Довольно странно... разве у нас есть что-то плохое? – поднял бровь император.

– Конечно же нет! – горячо воскликнул монархист. – У нас всё только хорошее. А финны копируют то, што *могло*

бы быть плохим. И раз его нет, какие ж они вообще дураки!

— Ааааа, — довольно протянул август. — Ну, сие было предсказуемо. А что в данный момент творится в торговле? Как там курс золотого против доллара? Наверняка повышается, да?

Матвей с величайшим трудом растянул лицо в улыбке.

— Как есть, батюшка! — хлопнул он в ладоши. — Уж повышается так, что просто удержу нет. Рвётся ввысь, аки ангел Господень, можно сказать. Вот сейчас семьдесят пять золотых за бакс просят, а разве ж энто финал? Небось и до полсотенки снизится, как пить дать!

— Гм... — задумался государь. — А пару лет назад он случайно не по тридцать был?

— И что? — не смутился Квасов. — На тридцать делить — так народ у нас грамоте не особо учён, мучаются, ругаются, страдают. А на пятьдесят — тут любая баба деревенская за просто сочтёт и в пояс поклонится твоей милости. Это ж облегчение какое, батюшка!

— Вне сомнений, — обрадовался император. — Только отчего лишь на полусотне остановились? По сто золотых за доллар, объективно говоря, считать-то ещё легче!

— Так будет и по сто, милостивец, — скривив рот, ответил Матвей. — С тебя ведь станется.

Царь-батюшка пропустил квасовскую промашку мимо ушей.

— А что у нас с программой импортозамещения? — спро-

сил он, игнорируя суть ответа.

Примерно два года назад империя аннексировала у своей бывшей провинции – Республики Финляндской – мегаполис Гельсингфорс, пойдя навстречу пожеланиям 95 процентов населения мегаполиса, каковое составляли великороссы. Тогда по приказу царя в город вошли «серые еноты» – элитный спецназ, изобразивший народное восстание. Финны и глазом моргнуть не успели, как под аплодисменты и бросания в воздух чепчиков горожан Гельсингфорс оказался в составе Российского государства. Запад озверел и впал в неистовство. Для виду он всегда поддерживал республику и даже делал вид, что она ему необходима, хотя на самом деле страшно боялся финских гастарбайтеров, преступников и проституток. Вариантов оставалось немного – либо возмутиться, либо оставить всё как есть. Запад выбрал первое, однако аккуратно, ибо сильно зависел от поставок российского мёда – все западные пчёлы передохли по причине заражения неизвестным вирусом. Отдельные политики (в основном из маленьких, но гордых фюреров Прибалтики) призывали наказать Россию и перестать закупать у неё мёд. На вопрос «А где ж его тогда взять?» обычно следовал мудрый ответ: «Поищите, вдруг да найдётся где-нибудь». Тем не менее Запад ввёл против империи экономические санкции и по этому поводу колоссально собой гордился, ожидая, что Россия вот-вот затрясётся и с испугу добровольно вернёт Гельсингфорс. Разгневавшись на западное веролом-

ство, государь высочайше повелел прекратить закупку у Европы молока, колбасы и сыра. С прилавков империи немедля пропали все западные товары, а уж кушать финского лосося (как раньше японские суши) сделалось среди граждан государственно вредной провокацией. Имперские сановники замелькали на телевидении, присягая пошехонскому сыру и родимой селёдке супротив моцареллы с хамоном, а в особенности вредоносного лосося. Главный врач империи, статский советник Гонищенко усмотрел в сёмге наличие токсинов, понижающих потенцию, мясные компоненты, запрещающие православным вкушать её в пост, а также намекнул на возможность генных модификаций. На телеэкранах появились трудолюбивые русские крестьяне – в картузах, валенках, с гармошками за спиной, с песнями выращивающие родимую картошку, пасущие упитанных свинок да круторогих козлов, – а также помирающие с голоду западные фермеры, в горести посылающие проклятия своим недалёковидным правительствам.

– А хорошо всё с программой, – сообщил Матвей Квасов. – Давеча вот крестьянин из Таганрога Родион Паникеев што сделал? Вырастил, благодетель, двух кабанов – звери прям, а не кабаны! Не то што свиньё западное чахлое. Бил Паникеев челом о кредите, и банк, слышь, отсыпал ему мильён золотых на постройку фермы, знай наших!

– Отлично, братец, – удовлетворённо заметил государь. – И что он с миллионом сделал?

– Как что? – до крайности изумился Квасов. – Пропил он его, батюшка.

Беседу прервала краткая, но опасная пауза.

– Так, значит... – прошептал император, слегка утратив улыбочку.

– Ну а когда проспится, – продолжил Матвей на той же ноте, помахивая лапами кафтана, – так непременно отгрохает ферму будь здоров со свинюшками, ты не сомневайся, государь-надёжа. Но самое-то главное не это. А то, што имеется у меня для тебя новость, полная счастья и оптимизму, и прям солнышко в душе твоей царственной заиграет. Есть на севере империи нашей махонький городок Корнилов, и вот достоверно тебе скажу – всё население его отныне ни в каких революциях в жизни принимать участие не будет.

– Это точно? – обрадовался царь.

– Уж как пить дать, – подтвердил преданный Квасов. – Самая правдивая информация.

– Ну, вот и славно. – Государь император потянулся в постели аж до хруста костей. – А теперь ступай, братец, и рекламируй монархию неустанно. Мне пора к прямой линии с народом подготовиться, дабы изобрести, какими ещё милостями его осыпать.

Матвей отвесил низкий земной поклон:

– Как видишь, радость сплошная в твоей империи да елёй. Храни тебя Господь!

Он закрыл дверь, и из-за бархатной портьеры к нему

неслышно скользнул граф Шкуро:

– Ну чего, известил царя-батюшку насчёт Корнилова?

– Фирма веников не вяжет-с, – надменно заявил Квасов. – Конечно, в наилучшем виде.

– А он что?

– Как обычно, восприняли с благоволением и высочайше хмыкнуть изволили-с.

Шкуро молча втиснул в ладонь Квасова золотую карточку «Виза-Патриотъ» и кивнул подбородком на выход. «Отлично, – подумал он, провожая взглядом Матвея. – Теперь, если царь вдруг когда-нибудь хватится, спросит, почему вовремя не доложили о проблеме, у нас есть доказательство – да вот же, вполне себе докладывали. А остальное в принципе неважно. Готов голову дать на отсечение – у нас хоть среди бела дня бомба атомная разорвись, государь и ухом не поведёт. Дай Бог, мы с корниловским делом за сутки справимся».

Однако в этом аспекте он существенно ошибался.

Глава 5

Бес

(фирменный поѣздъ «Рюриковичъ», Бурятская губернія)

Купе первого класса было рассчитано на трёх человек. Ехали в нём двое, и очень скоро ушлый проводник за определённую мзду ожидаемо посадил туда третьего. «Только что с аэроплана господин, – сообщил он остальным в качестве объяснения. – Очень торопится. Недолго проедет совсем, прощенья за беспокойство просим». Пассажир – молодой человек лет тридцати, в очках и светлом дорогом костюме, приподнял шляпу, извиняясь перед присутствующими – вихрастым студентом в джинсах и его спутницей, девушкой-готом с чёрной помадой на губах, изрядным пирсингом и в короткой антрацитовый юбке. Проводник закинул чемодан новоприбывшего на полку, прихватил бумажку в тысячу золотых и испарился. Незванный гость развернул «Санктъ-Петербургскія Вѣдомости», зашелестев страницами. Два других пассажира переглянулись, вздыхая.

Студент Глеб Кормильцев кипел гневом. Он искренне надеялся, купив билеты в купе первого класса, душевно провести время с возлюбленной – баронессой Светланой Лосиной (по законам империи, дворянство получали уже после

окончания ПТУ). Но надо было судьбе сыграть злую шутку – благодаря корыстолюбивому проводнику придётся ехать без любовных утех, ограничившись просмотром сериала «Игрища престолонаследия», да и то в наушниках. Светлана, показательно фыркнув, достала *рукотрёп* и полезла во Всеволодь-Сеть – дескать, что ты за дворянин, если проблему с проводником из мужичья неотёсанного решить не можешь. Однако Кормильцеву мешали серьёзные обстоятельства. Он считал себя пацифистом и противником любых насильственных действий, а принадлежность к партии сторонников мятежного графа Арсения Карнавального заставляла относиться к народу помягче. Как любой представитель либерального дворянства, Глеб не слишком-то любил народ в его конкретных проявлениях, однако среди оппонентов государя считалось хорошим тоном сокрушаться о горестном положении мужичков, угнетённых царизмом. Подарив незнакомцу луч ненависти из глаз, он углубился в созерцание айпэда, загрузив сайт news.re – домен Russian Empire.

Настроения, разумеется, это не улучшило.

Первым делом Кормильцев прочитал новость о том, как Запад, следуя политике ужесточения санкций против империи из-за войны в Финляндии, запретил продавать в Россию мех редкой розовой выхухоли. Правда, за последние 84 года империя закупила всего одного такого зверька, однако грозное коммюнике Европарламента не оставляло сомнений в том, что антивыхухольные меры вскоре обрушат экономику

России и вынудят Кремль приползти на коленях. То же самое в разные периоды касалось прекращения импорта картонных стаканчиков, зубочисток из слоновой кости, а также строгого эмбарго на продажу пляжных бикини в город Магадане. Последнее действие, согласно мнению западной прессы, почти сокрушило монархию – она устояла лишь благодаря персональной харизме государя. Далее следовал репортаж о распорядке дня в монастыре разведённой государыни Евфросиньи, в миру певицы Бритни Спирс, – молитвы, строгий пост, хлеб и вода, танцы, запись альбома, работа на огороде. Сбоку назойливо вылезла рекламная картинка концертов православной рэп-группы из отставных священников «Go-Go Господь» – двое белых, один эфиоп, все в облегающих рясах, на шеях огромные кресты, на груди вытатуирована Богородица, лица обрамлены секси-бородками. Еле избавившись от спама, студент перешёл на интервью купца первой гильдии Нафанаила Топоровского. Сей торговец мёдом взял на себя финансирование республиканцев после кончины прежнего спонсора, купца Платона Ивушкина – несчастный, желая скрыться от государевых жандармов, распорядился выкопать себе бункер в Лондоне на такой глубине, что в итоге не смог оттуда выбраться и задохнулся. Топоровский, возивший 10 лет тачку на сахалинской каторге, повествовал: прогнившая монархия вот-вот рухнет, нужно только её подтолкнуть. «Но как же высокий рейтинг государя?» – вопрошал Нафанаила автор интервью. «Для нас все верхние

под низом будут, – гордо ответствовал Нафанаил. – Я всегда готов пострадать за народ и стать временным руководителем Расеюшки. Сенья-то Карнавальный умён, ох умён, люблю его, подлеца такого. Но молод он ишшо, а мне, купцу первой гильдии, самый смак Расеей править. Министры-то у меня знаешь где? Вот где!» – говорил он, явно демонстрируя борзописцу кулак. «А вернёте ли вы Гельсингфорс Финляндии?» – не унимался журналист. «Это уж как Господь решит, – строго мыслил Топоровский. – Я суть букашка малая, а Господь, Он мудрый. Помолюсь Ему, и сразу всё наладится – и тебя, пса, молнией поразит, чтоб не лез тут с вопросами неудобными».

Кося глазом из-за айпэда на вырез кофточки баронессы Светки, Глеб открыл репортаж о рождении у британского принца долгожданной наследницы трона. Фото в разных ракурсах демонстрировали младенца в кружевных пелёнках. «Вот монархия как монархия, – размышлял Глеб. – Ути щёчки розовенькие, носик такой миленький, губки. Сразу видать – европейский выбор. Не то что у нас – мурло противное. Господи, почему ж всё такое культурное там и такое некультурное здесь?» Следующей новостью шло выступление гласного Государственной Думы от партии «Царь-батюшка», собиравшего, что по причине козней Северо-Американских Соединённых Штатов повышаются цены на электричество, газ и воду. «Нам доподлинно известно, что вчера на совещании ЦРУ принято решение бить лампочки и срать в подь-

ездах империи, – информировал гласный. – Дамы и господа, будьте бдительны и не допускайте активности вражеских агентов».

Глеб расстроено покачал головой и отключил айпэд.

В ту же секунду он заметил – незнакомец смотрит на него поверх газеты. Прямо-таки буравит взглядом. По спине побежал неприятный холодок. Впрочем, пассажир заметил внимание Кормильцева и вновь обратился к чтению. «Кошмар, – подумал сбитый с толку Глеб. – Как же я сразу не догадался? Это явно неспроста. Его к нам подсадили, вполне очевидно, подлый проводник в сговоре. Наверняка мерзавец из охраны, или поднимай выше – жандарм. Сейчас за всеми, кто в манифестациях на 110-летнюю годовщину боёв на Пресне участвовал, стопроцентно следят – Карнавальный в блоге предупреждал». На саму манифестацию Глеб не ходил (ему и в кресле перед компьютером удобно), однако совершил ряд абсолютно дерзких деяний. Лайкнул (как выражались патриоты, «любнул») в Фейсбуке сообщение «Долой самодержавие!», а после загрузил на свою страничку гранж-ремикс песни «Мы жертвою пали в борьбе роковой», исполненный пожилым борцом за права революционеров Андреем Старикевичем. И кто осмелится сказать, что агенты охраны не пасут каждого человека с антимонархическими настроениями? Ох, как он глуп и наивен. Глеб красочно представил: вот его под охраной ведут на эшафот (так среди республиканцев называли отсидку пятнадцати суток),

а он, несломленный, шагает с гордо поднятой головой, звеня кандалами и бесстрашно рассылая эсэмэс с проклятиями царизму. Хотя... оставят ли телефон? Учитывая зловещее убийство прямо в центре Москвы экс-губернатора Бабцова, режим не остановится ни перед чем. Глеб зажмурился. Нет. Не следует поддаваться панике. Надо перехватить инициативу.

Он закинул ногу на ногу, с показной наглостью уставился на шпика и осведомился, пожалуй, излишне громко:

– Сударь, а вы до какой станции-то едете?

Незнакомец убрал газету от лица и улыбнулся.

Улыбка была настолько искренней и доверчивой, что мысли Кормильцева мгновенно смешались – разве может сатрап режима реагировать на вопрос с такой детской непосредственностью? Глаза незваного гостя сияли холодным изумрудным блеском.

– До Бэйхая, мой господин, – ответил предполагаемый агент царизма, и с первыми же звуками этого голоса Глеб существенно успокоился. Слова были произнесены с иностранным акцентом, как у человека, который учил язык за границей. Жандармы или полиция не станут вкладываться в подобное актёрство ради его ареста. Самый обычный турист. А читает на русском, так и чего же – в языке человек практикуется, нормально. Действительно, типичный иностранец – прямой нос, светлая бородка, холёное лицо. По виду очень благожелательный. Кожа вот только чересчур белая, похоже,

он её кремом натирает, причём в несколько слоёв. Аллергия, сейчас это норма жизни.

— У вас там... э-э... отель расположен? — Кормильцев чувствовал, что разговор следует продолжить, хотя понятия не имел, о чём беседовать. Тем не менее, если уж рот открыл, надо что-то произнести. Он беспомощно оглянулся на Светку, но та продолжала пялиться в экран смартфона — девушка в своём увлечении даже не заметила, что тишина в купе нарушена. Вот, блин, поколение зомби — да взорвись сейчас мир, баронесса так в ад и отправится, продолжая параллельно сообщение подруге в чате набирать.

Поезд стучал всеми колёсами, и в вагон просочился лёгкий запах горелого — экспрессы «Рюриковичь» производили в Цинской империи, а собирали уже в России, в результате чего половина деталей пропадала неизвестно куда. Руководство завода, будучи в изрядном смятении, ссылаясь на козни сатаны и Запада, пригласило митрополита совершить молебен. Сие действо привело лишь к тому, что именно в этот день деталей исчезло ещё больше.

— О нет, — покачал головой светлородый, даря Глебу ласковый взгляд изумрудных глаз. — Можно сказать, я еду в гости, но в то же время это мой дом, милостивый государь. Спасибо, что заговорили со мной, — за беседой с умным человеком легко скоротать время. Впрочем, его у нас и так будет немного. По сути, вы мне сейчас не нужны. У меня к вам всего одна просьба — пожалуйста, одолжите свою девушку.

Вы её, конечно же, вряд ли увидите в будущем, зато ваша жизнь окажется прекрасной и долгой. – Он приподнял шляпу и по-птичьи склонил голову набок.

– Простите... – растерянно сказал Глеб. – Возможно, я вас неправильно понял...

– Да полноте! – с лёгким возмущением в бархатном голосе прервал его незнакомец. – Вы меня, сударь, поняли так, что правильной и не бывает. Скажем, вы сейчас изволите выйти в тамбур, а я останусь с вашей прекрасной дамой наедине. И уверяю вас, даже гарантирую, она совершенно не будет против. О... кажется, вы приняли меня за извращенца? Нет-нет, ничего подобного. Я просто с ней пообщаюсь. Вы покинете купе с вещами, на следующей станции сойдёте и навсегда забудете, что видели нас. Ах да, запомнил. Безусловно, речь должна идти о крупной финансовой компенсации... – Он не без усилия снял чемодан с верхней полки и поднял крышку. – Сколько вы хотите? Пятидесяти тысяч евро будет достаточно?

Глеб с трудом отвёл взгляд от хорошо знакомых ему сиреневых купюр. Безусловно, он не из бедной семьи, потому и едет в первом классе. Однако подобную сумму за здорово живёшь... Кто этот человек? Психически ненормальный иностранец? Бес из популярного в сороковые бестселлера Булгакова «Красный Мастер», где сатана попадает в альтернативную Москву с победившими в семнадцатом году коммунистами? Скучающий миллиардер, ищущий подоб-

ным образом развлечений?

Тут и Светлана наконец-то оторвалась от смартфона, с недоумением уставившись на них обоих. Глеб преисполнился гордости. Сейчас он с негодованием отвергнет гнусное предложение, вызовет проводника, подлеца уберут из вагона, а они с баронессой сольются в милом экстазе.

Божечки, вот как легко решилась проблема.

– Уберите ваши деньги прочь, сударь, – изрёк Глеб, любуясь собой. – Вы негодяй!

Незнакомец не изменился в лице.

– Вот интересно, – заметил он, не переставая улыбаться, – почему все так говорят? Я же предоставляю честный выбор, и не сказать, чтобы плохой вариант. Но нет, каждому в присутствии дамы надо поиграть в благородство. Ну, хорошо, юноша, будь по-вашему.

Рывком поднявшись с сиденья, он зажал в ладонях подбородок и темя Глеба и очень быстрым движением сильно ударил его головой о стену купе. Светлана не шевелилась, пока её возлюбленный, обливаясь кровью, без сознания сползал на пол. Она полностью растворилась в изумрудных глазах, чувствуя небывалое доселе возбуждение. Иностранец ласково кивнул девушке, как старой знакомой.

– Сейчас, – сказал он ей. – Ты ведь тоже уверена – на этот раз всё получится?

... Через полчаса проводник Епифан, проходивший по коридору, с удивлением заметил сильно потемневший ковёр –

из щели в двери купе сочилась жидкость красного цвета, местами с пеной. Недовольно хмыкнув, Епифан покрутил головой. «Дурачатся господа. Каберне своё открыли там или ещё чего. Ну, да и ладно. За чаевые я ишшо и не то стерплю». Предвкушая «барашка в бумажке», он, насвистывая, двинулся дальше.

Проблеск № 2

Государство костей

(восток Средиземноморья, 1276 г. до н. э.)

В последнее время работа стала особенно утомительной. Приходилось вставать с первыми лучами солнца, а ложиться за полночь, когда луна в облаках истекала мёртвым и тусклым блеском. Будем откровенны, Шамеш давно заслужил право на свой новый дом. Увы, пока ему приходилось засыпать под открытым небом на голых камнях, слушая шум прибоя, ибо до сих пор не было выполнено самое главное условие. Лишь когда он заработает на достойный подарок богам, жрецы разрешат ему построить своё жилище, и вот затем Шамеш под радостные крики родственников, осыпаясь зёрнами

пшеницы, введёт туда невесту. Подарок недёшев, однако законы царства суровы и обязательны к исполнению для всех. Перед постройкой жилища Шамеш должен предъявить градоначальнику целых сорок сиклей серебра – сумму, позволяющую купить на рынке раба. Дорого? Ужасно. Беда в том, что и раб требуется непростой – шестимесячный младенец, родившийся в полнолуние. Только такой дар оценят пресыщенные обитатели неба. Далее всё просто: дитя приносят в жертву супружеской паре богов, затем тельце разрубает на части, останки кладут в священный кувшинчик и замуровывают в стену дома.⁷ Лишь тогда жизнь мужа и жены будет долгой и счастливой, а их семейную обитель минуют ураганы и землетрясения. Шамеш посмотрел на звёзды и от души выругался. А что поделаешь? Боги определяют судьбы людей, и всё в мире творится их волей. Жрецы в храмах подают им пищу на золотых блюдах, и даже сам царь, не жалея роскошных одежд, на коленях униженно ползёт к алтарю, держа на вытянутых руках тушку ягнёнка. Подобную жертву достаточно заколоть, и боги безмолвно пригласят разделить с ними трапезу: правителю достанутся язык и сердце, жрецам – глаза и мозг, а народ попроще удовольствуется костями и требухой. Боги обожают мясо. Баранина, свинина,

⁷ Этот жуткий обычай в XIII в. до н. э. считался нормой на территории современной Палестины – помимо замурованных в стенах скелетов младенцев, археологами были обнаружены целые кладбища малолетних детей-рабов, принесённых в жертву жрецами местного культа.

целиком зажаренные быки – любые животные стодятся, чтобы утолить их ненасытный голод. Как рассказывал дед Шамеша (почти выживший из ума, беззубый шамкающий старик), людей для богов начали убивать очень давно – он тогда сам ещё был маленьким мальчиком. Если просьба незначительна – можно зарезать быка, но когда требуется нечто важное – тут уж без человека не обойдёшься. В иные праздники у жрецов руки по локоть в крови, устали, измучены, на ногах еле стоят, ножи из ладоней вываливаются, а ничего не поделаешь, нужно как следует ублажить богов. Царство ведёт торговлю с соседями – Египтом и Вавилоном, так сроднились, что используют два вида письменности: иероглифы и клинопись на глиняных табличках. Продают тамошним купцам и мёд, и отжатое из оливок масло, и кедровые доски, и туманящее голову, вызывающее смех местное вино из белого винограда. А что же взамен? Египтяне и вавилоняне погрязли в бесконечных войнах, поэтому у них закупают самое необходимое для религии царства – рабов.

Боги Ханаана издавна славятся похотью и кровожадностью.

В дни полной луны перед алтарями оскотпляют мальчиков, дабы увеличить мужскую силу живущих на небе существ, а девушкам отрезают груди – с целью снизить ненасытность главной богини – Хозяйки. Они хотят кровь, они хотят плоть – много, очень много молодых тел. Помимо верховных, у каждого города имеются свои собственные божества, и их тоже

требуется кормить. По четвергам в столицу приходят караваны с рабами – жёлтыми, коричневыми и вовсе чёрными, из далёких Хиндии и Нубии. Вот тут-то и начинается торг: купцы и покупатели ругаются, кричат, сыплют на прилавок монеты. Одни с пеной у рта доказывают хилость и убогость раба, другие твердят об исключительном восторге богов при виде жертвы. Младенцы недёшевы, ибо необходимы не только при строительстве глиняных домов, слепившихся стенами, но также и оборонительных башен, и храмов, и царского дворца. Целый город, замешанный на детской крови, крепко стоит на вершине самого высокого холма, на фундаменте из нежных младенческих косточек. Иногда бывает страшно, особенно ночью. В доме родителей Шамеша замурованы четыре скелета (ведь чем больше, тем лучше) – в знак особого преклонения семейства перед богами. Шамешу много раз снилось, как мёртвые дети высовывают головы из стен, смотрят на него пустыми глазницами, раскрывают в безмолвном крике рот, откуда сыплются и разбегаются по полу пауки. Стыдно признаться, просыпался с криком. Брррррр. Кошмар, да и только.

Он обязательно построит дом по египетскому образцу. Не из глины, а из настоящего камня. Конечно, на мрамор серебра не хватит, но на песчаник – вполне. Шамеш много работает, и ему зачастую везёт. Он ныряет за жемчугом. Ужасный труд, от постоянного пребывания на глубине раскалывается голова, из носа и ушей идёт кровь, глаза разъедает

солёная вода. Потому-то жемчуг и дорог – ведь добыть его нелегко, а толстые красавицы, жёны жрецов и царских министров, хотят выглядеть богато, чтобы их жирные подбородки ложились на грудь, украшенную пятью нитями жемчужин. Осталось совсем недолго. Работа поглощает всё время, и он редко видится с любимой – прекрасной 16-летней Ашерой... А надо бы почаще, чтобы не гневить воздержанием высшие силы. Боги, как заверяют в храмах, выступают за плотские соития, и совершать их следует как можно усерднее и разнузданнее. Послы греческих городов, попав на религиозные празднества царства, ужасаются всеобщим оргиям, где старый слуга у всех на глазах ласкает лоно юной дочери богатого торговца, а упитанный храмовый жрец снисходительно дарит счастье сразу трём жёнам ремесленников, жадно целующим понятно что.⁸ Ашера давно не невинна, но в царстве не ценят девственность, считая её пережитком диких пустынных племён... да ведь на самом деле, так оно и есть.

Для настоящей семьи куда важнее другое. Свой дом с замурованным скелетом. Свои дети. Свой алтарь. Свои боги.

...Первые лучи солнца окрасили море в нежный розовый цвет. Пора. Скоро станет совсем светло, и тогда можно будет нырнуть за жемчугом. Правда, в последние пару недель стало страшновато. Ощущение,

⁸ Действительно, послы греческих городов-государств описывали в своих донесениях празднества царства Ханаан как разнузданные оргии, ибо местные боги требовали от своих прихожан откровенного «блудодейства и винопития».

что где-то далеко произошло землетрясение. Волны выбрасывают на песок куски статуй, ключья гниющей плоти людей и животных, а глубоко в пучине заметны обгоревшие остовы кораблей. Опасно, в общем, но ничего не поделаешь: жениху и невесте нужен дом – замечательный, красивый... на детских костях.

Шамеш скинул с себя набедренную повязку и вошёл в ласковую, тёплую воду. Что-то было не так, и пока он не понимал, что именно, однако инстинкт ловца жемчуга наполнял сердце тревогой. И буквально через минуту это предчувствие оправдалось. Из волн, окружая Шамеша, встали фигуры с изумрудными глазами. Глядя на них, он осознал два факта. Первый – отныне у Ханаана появились новые боги, ничуть не похожие на предшественников внешне, но намного более голодные и кровожадные. А второй – дома ему уж точно не видать, как своих ушей... если они у него ещё останутся, ибо боги жаждут.

Шамеш успел повернуться и изо всех сил бросился бежать, увязая в морском песке.

Правда, убежал он совсем недалеко.

Глава 6

Мджарр

(в залъ гостиницы «Англетеръ», въ это же время)

Алиса фон Трахтенберг провела пальчиком пояблзвону, и изображение отразилось на большом экране в центре зала – сфотографированные с воздуха постройки с логотипом системы «Гугль».

– Это деревня Мджарр, находящаяся на северо-западе острова Мальта, – сообщила Алиса занудно, как на лекции по географии. – Три тысячи жителей, все занимаются ловлей рыбы, выращивают кукурузу и хлопок. В общем-то, ничего интересного, кроме загадочных событий, произошедших двадцать восьмого мая тысяча девятьсот шестнадцатого года. Британская колониальная администрация тогда организовала расследование, срочно послав целую бригаду лучших офицеров Скотленд-Ярда в забытый богом уголок. Официальной информации никакой нет, Всеволодь-Сеть переполнена домыслами и теориями заговора. Тем не менее...

Муравьёв кашлянул и поднял руку:

– Сударыня, у меня нет сомнений в вашей высокой компетенции. Но если мы начнём в качестве доказательств привлекать Всеволодь-Сеть, славную диким количеством фаль-

шивых сообщений – в частности, о подмене его императорского величества инопланетянином... каков тогда получится результат?

– Милостивый государь! – Голос Алисы натянулся как струна. – Я ещё не закончила!

Муравьёв традиционно оглянулся в сторону Каледина, но тот воззрился в потолок и начал поспешно изучать вылепленных местным скульптором амуров и психей. Уж кто, как не он, отлично знал – связываться с бывшей женой во время работы опасно для жизни.

– Так вот, – продолжила Алиса. – На сайте «Утечки Вики» выложены документы, якобы похищенные из Национального архива Великобритании и касающиеся старого расследования Скотленд-Ярда. Двадцать восьмого мая тысяча девятьсот шестнадцатого года рядом с деревней при очень странных обстоятельствах погибли одиннадцать человек. Первая – шестнадцатилетняя Фелиция Керамино, жительница Мджарр. Согласно показаниям её младшей сестры, поздно ночью Фелиция отправилась на пляж Эгат. С очень древних, дохристианских времён у девушек деревни бытует поверье – если в полнолуние искупаться голышом именно на этом пляже, высшие силы подарят тебе любовь всей твоей жизни. Ещё при карфагенянах девственницы ходили туда плавать, дабы обрести богатого и красивого мужа. Обнажённый труп Фелиции на следующее утро был найден в трёх милях от Эгата, и лёгкие девушки оказались полны морской воды – ина-

че говоря, она захлебнулась. Местная полиция недоумевала: неужели в море бушевал шторм такой силы, что утопленнику могло зашвырнуть на подобное расстояние? Или же таинственный злоумышленник утопил Фелицию на пляже и потом неизвестно зачем волок за собой целых три мили? В итоге Скотленд-Ярду удалось более или менее восстановить картину происшедшего. Сначала Фелиция действительно пришла на Эгат для купания – её одежда так и осталась сложенной на берегу, то есть никакого шторма не было. Потом девушка вдруг побежала вглубь острова – она была чем-то испугана, на камнях остались, судя по отчёту, капли крови, но Фелиция старалась скрыться из виду, не смотря на порезанные ступни. Потом её настигли, она захлебнулась и умерла. Каким же образом, господа?

Алиса сделала весьма театральную, с точки зрения Каледина, паузу.

– Разве что преступник гнался за жертвой с тазиком морской воды. Сие, естественно, невозможно. Но это ещё не всё. Неподальёку располагался пост «томми» – британских солдат, охраняющих побережье с целью предупреждения возможной высадки лазутчиков Второго рейха. Все шестеро погибли, причём, судя по позам мертвецов, – Алиса приблизила на экране расплывчатую чёрно-белую фотографию силуэтов, застывших вокруг пулемёта и мешков с песком, – смерть настигла их внезапно. Диагноз аналогичен – англичане захлебнулись водой из моря, так быстро, словно каждому

повесили на шею мельничный жёрнов и бросили на дно океана. До наступления рассвета в окрестностях Мджарр растались с жизнью ещё четыре человека, все они рыбаки, ловившие крабов. Казалось бы, трагическая смерть труженика моря в бурных волнах – дело естественное. Однако посмотрим протоколы допроса их жён в полиции. Краболовы вернулись с добычей, но чрезвычайно встревоженные. Оставили груз в сарае одного из компаньонов, затем взяли оружие – винтовку, охотничье ружьё, два гарпуна, и ушли, не ответив на расспросы супружниц. Дома они не появились – утром трупы были обнаружены в миле от тела Фелиции. Нужно ли упоминать, что, как и в остальных случаях, причина смерти – гибель в морской воде? Итак, господа! – Алиса подняла руку с яблوزвоном. – Спустя ровно сто лет мы имеем полностью идентичное преступление, только со значительно большим количеством жертв. «Дело одиннадцати трупов на Мальте» расследовалось полицией почти девять лет, однако самые гениальные специалисты Скотленд-Ярда расписались в своём бессилии: досье было передано в архив. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – люди в окрестностях Мджарр погибли насильственной смертью. Главное здесь другое. Этот инцидент – далеко не первый.

В зале воцарилась тишина. Даже Каледин, показательно пялившийся на бюст одной из секретарш Антипова, затаил дыхание и нехотя перевёл взгляд на бывшую жену.

– Восемнадцатого августа тысяча пятьсот девяностого го-

да художник Джон Уайт, приплывший на корабле к британским колонистам на остров Роанок в Северной Америке, не нашёл таковых на месте, – вещала Алиса с исключительно королевским видом. – Поселение предстало пустым, сто восемнадцать человек – мужчины, женщины и дети – бесследно исчезли. На одном из деревьев было вырезано загадочное слово CRO. В дальнейшем учёные и пресса выдвинули гигантское количество версий: колонистов убили и съели индейцы, они пытались уплыть в Британию и погибли в волнах океана, они ушли в лес и поселились там в глухой чаще... Однако внятного объяснения тайне Роанока нет. Семнадцатого ноября тысяча девятьсот сорок пятого года из китайского города Гуаньду в Шанхай выехал поезд с сотнями пассажиров – он просто испарился в пути, не прибыв к месту назначения. Лётчик, исследовавший территорию, доложил о внезапно образовавшемся озёрце, которого накануне не было в наличии. Непонятно откуда взявшийся пруд с морской водой, согласно записям художника Уайта, наблюдался и в центре опустевшей деревни колонистов в Роаноке, но естественно, он не придал этому значения. Наконец, пятнадцатого декабря тысяча девятисотого года на маяке у островов Фланнан в Шотландии пропали сразу трое смотрителей. Прибывшая экспедиция выяснила, что двери и окна маяка заперты изнутри, кровати в беспорядке, стол перевёрнут, но лампы аккуратно заправлены маслом. Ни единого следа смотрителей так и не отыскивали... Обращаю ваше внимание –

маяк находился на высокой скале над морем. В разное время при огромном скоплении народа таинственно исчезали даже лидеры государств, среди них пропавший в сражении с готами римский император Валент и португальский король Себастьян, испарившийся в битве у Ксар-эль-Кебир.⁹ Посему я уверена – случаев, когда люди без видимых причин захлебнулись на суше морской водой на деле куда больше, нежели мы знаем... Скорее всего, раньше убийца просто успевал оперативно избавиться от трупов. Однако и сейчас, и сто лет назад на Мальте ему явно что-то помешало. Как руководитель Центра криминалистики, я могу предполагать следующее. Возможно, перед нами целая династия безумных учёных, создавших особое устройство – инновационную бомбу, способную ликвидировать жертв таким вот методом. Реинкарнация тайного ордена убийц по образцу общества ассасинов крепости Аламут в Персии, из поколения в поколение по неизвестной причине уничтожающих людей на Земле – как в одиночку, так и группами. Спасибо, господа.

Зал, дрогнув, разразился аплодисментами.

Графиня фон Трахтенберг стояла белая как мел (речь стоила ей больших усилий), но старалась придать себе скучающий вид, как и полагается настоящему профессионалу. Аплодировали все – и директор департамента полиции Мура-

⁹ Все эти случаи имели место в действительности, и логичного объяснения им до сих пор не найдено. Исчезнувшая колония на Роаноке и пропажа зрителей маяка на островах Фланнан всё ещё служат темой для обсуждений историкам и специалистам по паранормальным явлениям.

вьёв, и шеф жандармского корпуса Антипов, и даже мерзавец Каледин был вынужден встать и присоединиться к остальным в безудержной овации. Алиса переживала триумф и приближалась к моральному оргазму, если бы не одно странное обстоятельство... Глава группы медэкспертов Хайнц Модестович Шварц сидел, развалившись в кресле, и всем своим обликом демонстрировал полное пренебрежение к её сенсационному докладу. Алиса уже собиралась возмутиться такой откровенной завистью, но Хайнц поднял руку. Все умолкли.

– Милостивая государыня, – вежливо заговорил обермедэксперт, – покорнейше благодарим вас за плавание по жёлтым бухтам Всеволодь-Сети и пересказ той информации, каковую мы без труда можем подчерпнуть в ежедневных выпусках «Благосвет-Новостей» и в программе «Кремлениум» на Новоимперском ТВ. Мистика, тайны – это то, что любим мы все. Жаль, что жизнь существенно прозаичнее. Я не буду читать вам лекцию с описанием вирусов двадцатого века, хотя о внезапном появлении «испанки»,¹⁰ полагаю, вы извещены. Возьмём сразу эболу, унёсшую десять тысяч жизней в Африке-с. Откуда появился вирус? Неизвестно. Одни учёные считают его последствием бездумного кровосмешения негров с обезьянами, другие – результатом секретных опы-

¹⁰ «Испанка» – простонародное название вируса гриппа La Pesadilla, послужившего во время эпидемии 1918–1919 гг. причиной гибели минимум 50 млн человек. Собственно в Испании этим гриппом переболели 40 % населения.

тов лабораторий спецслужб. Неважно. Сей вирус буквально растворяет внутренности человека, больной захлёбывается в крови. Ничего не напоминает? Следует не мешкая объявить опасность первого уровня и сделать город Корнилов карантинной зоной. Кто знает, возможно мы встретили бактерию, которой суждено вскоре уничтожить человечество, превращая лёгкие в морскую воду. – Хайнц Модестович победоносно обвёл взглядом аудиторию.

Алиса медленно закипала.

– Сударь... – произнесла она тоном, от коего рассыпались незримые кусочки льда.

– Сударыня? – с холодной любезностью осведомился мед-эксперт Шварц.

Каледин и сидящий рядом с ним князь Кропоткин (бывший любовник государыни Евфросиньи) безмолвно заключили пари на победителя в грядущей схватке. Антипов и Муравьёв, не рискнувшие возражать опасному дрезденцу, переглянулись.

«Это он зря, – подумал Каледин. – Сейчас баба-то моя из него котлетку сделает. Жаль мужика – можно сказать, только жить начинает. А теперь стабильно заикаться будет до конца дней своих».

– Соблаговолите-с объяснить мне простую вещь, – начала Алиса. – Если город Корнилов стал жертвой неведомого науке вируса, отчего тогда на Мальте уцелели все остальные жители, а население нашей планеты ещё не вымерло полно-

стью, захлебнувшись морской водой? Согласно вашей логике, сударь мой, человечество обязано было прийти к печальному финалу как минимум в тысяча девятьсот шестнадцатом году, либо значительно раньше. А раз такого не произошло – значит, скорее всего, права я, а не вы.

Удар был силён. Хайнц Модестович застыл с открытым ртом – он явно не ожидал такого отпора. Кропоткин, вздохнув, незаметно протянул Каледину бумажку в тысячу золотых, и тот, озарившись улыбкой ехидны, с ловкостью спрятал её в нагрудный карман.

Многоопытный Шварц счёл за лучшее отступить.

– Возможно, сударыня, – сухо сказал он. – В любом случае предлагаю оставить обе версии на рассмотрение оперативного штаба-с. Он доложит в Кремль, и пусть высшие государственные чины разберутся, кто из нас правильное оценивает ситуацию. У меня, конечно, никаких сомнений нет, но подождём главного вердикта-с.

Директор департамента полиции Муравьёв и шеф Отдельного корпуса жандармов Антипов, не сговариваясь, двинулись к выходу, дабы донести свои соображения по спецсвязи министру двора Шкуро – именно он занимался делами империи, ограждая государя от плохих сообщений. Каледин, воспользовавшись паузой, подсел к Алисе.

– Ты довольно крута, – заискивающе польстил он.

– Я сублимирую своё женское горе в убийственную ярость, – отрезала фон Трахтенберг. – И не надейся, что ты

прощён. Едва закончится это расследование, я тебя зарежу. И как знаток криминалистики, позабочусь, чтобы следы твоей крови не остались на моей одежде.

– Ты бы лучше гувернантке позвонила, – флегматично напомнил Каледин. – Или забыла уже, как Варварушка усыпила прошлую, насыпав ей в кофе донормил, и отправилась на фильм ужасов? Она там так смеялась, что паре зрителей пришлось «скорую» вызывать.

Охнув, Алиса полезла в сумочку за телефоном. Но едва она набрала номер, как возле неё вырос адъютант Антипова – молоденький подпоручик Николя Александров. Щёлкнув каблуками, он пригласил «его сиятельство графа и её сиятельство графиню» пройти на командный пункт. Таковым оказалась комната позади конференц-зала, где обоих дожидались довольные Антипов и Муравьёв.

– Господин коллежский советник, – обратился Муравьёв к Каледину, – имею честь сообщить, что высочайшим повелением вы направляетесь в срочную командировку на Мальту, дабы по возможности оперативно провести расследование на месте и взять образцы ДНК жертв события тысяча девятьсот шестнадцатого года. Выезжаете прямо сейчас как начальник бригады. Для научной помощи к вам прикомандировывается обер-медэксперт Хайнц Шварц, – (тут Каледин еле заметно поморщился), – а для охраны и силовых функций – вахмистр Семён Майлов. Кроме того... – Муравьёв сделал паузу, – поедете и вы, мадемуазель фон Трахтенберг.

– Я?! – вспыхнула Алиса, представившая себе путешествие в славной компании Каледина, новоприобретённого врага Шварца и Майлова. – Простите, милостивый государь, но...

– Вами подписан контракт о сотрудничестве, – ласково заметил Муравьёв. – И согласно одному из его пунктов, вы обязаны ездить в командировки от департамента полиции. С целью смягчить ваше негодование, скажу, что на бригаду выдаётся безлимитная золотая кредитная карта «Visa-Патриотъ». Билеты в Валетту уже куплены.

Алиса приближалась к точке кипения, как взбесившийся чайник. Однако к её удивлению слова о золотой кредитке напрочь отбили желание устроить скандал, зато наполнили мозг красочными видениями модных магазинов Валетты. Она глубокомысленно кивнула и украдкой бросила взгляд на Каледина. Тот смотрел в другую сторону, насвистывая и размышляя, чем вызвано такое решение руководства – то ли их присутствие в Корнилове признано крайне нежелательным, то ли задание и правда не терпит отлагательств. За дверью комнаты слышались площадные немецкие ругательства – Хайнцу Модестовичу озвучили приказ начальства, проинформировав заодно о составе группы, отправляющейся на Мальту. Обычно невозмутимый обер-медэсперт не смог сдержаться.

Вспомнив опять о Варваре, Алиса быстро набрала номер её гувернантки.

Однако ей не ответили.

Глава 7

Обер-чаепитие

(дворець-особнякъ дворянъ Боголюбскихъ, Москва)

Глава государственного телевидения Святополк Боголюбский (по прошлому паспорту саксонец Леопольд фон Браун) посторонился, впуская в сени министра славянской культуры Евпатия Медовухина, в прошлой жизни Бернгарда Штюмера. Троекратно поцеловавшись с гостем, он кликнул слугу, одетого в вышитую рубаху, ситцевые штаны и лапти, молвив просвещённое слово:

– Ох ты гой еси, ты лакеюшка, ты возьми-ка, орёл чернобровый мой, во свои рученьки во могучие рухлядь мягкую князя милостивого свет Медовухина, басурманами плащом прозываемую. Поклонюсь тебе в ножки белые, лобызну тебя в очи ясные.

Камердинер, не выказав удивления, с поклоном принял одежду.

– Лео, ты случайно не заболел после тяжёлой работы? – на чистом диалекте «заксен» шепнул Евпатий. – Что за древнерусский язык? Я даже половину не понял.

– Bruder, alles in ordnung,¹¹ – тихо ответил Святополк. – Просто ты ж сам понимаешь – время такое, нам нужно показывать себя патриотами, для этого ты сюда и пришёл. А общение на подобном наречии с прислугой – поверь, отличнейшая практика.

С тех пор как после присоединения Гельсингфорса к империи государь специальным указом обязал чиновников упрочить духовные скрепы и возродить культурные традиции России, в моду вошли, выражаясь на сленге приехавших в Москву вместе с государем дрезденских баронов, «оберчаепития». Высшие сановники империи собирались в спешно отделанных с помощью персидских гастарбайтеров термах «руссиш стиль» и всячески показывали свою любовь к России.

Леопольд и Бернгард вальяжно прошли в гостиную.

С полатей к ним навстречу поднялись куратор прессы императорского двора Сидор Вкусноколбасцев (барон Альфред фон Шмектвурст) и министр финансов Пантелеймон Рюрикович (Генрих Граф-Людинксгаузен). Славяне облобызались и закрестились на икону святого Владимира, перед которой хозяин загодя зажёл ароматную лампадку.

– Попрошу, бояре, отвечать чем Бог послал, – сказал хлебосольный Святополк.

Гости чинно расселись за деревянным столом, покрытым белой скатертью с синими петушками: посередине испускал

¹¹ Брат, всё в порядке (нем.).

пар самовар чистого серебра из бутика «Тиффани», радовала глаз икра в хрустальной вазочке, нарочито небрежной грудой лежали баранки. Лакеи, радушно улыбаясь, расставили перед гостями фарфоровые тарелки с дымящимися щами, аккуратно положив рядом приборы – сплетённые вручную лапотки от Версаче.

Подавая друзьям пример, Святополк ловко зачерпнул лаптем щи. Ему это было не впервой, и он влёгкую справился с поставленной задачей – сказывался многолетний опыт. Остальным добрым молодцам так не повезло. У Пантелеймона горячая жидкость сразу пролилась на кафтан, отчаянно зашипев жиром, Сидор уронил прибор в гущу, а Евпатий тщетно пытался выковырять кусок картошки, застрявший среди хитроумных сплетений дизайнерского лаптя. Впрочем, довольно скоро гости научились есть правильно – главное было набрать полный лапоть щей, побыстрее выпить содержимое, пока оно не вытекло (при этом постараться не обжечься), и тут же опрокинуть пустую ёмкость в рот, не упуская мясо и варёную капусту. Священнодействие довершалось двузубой вилочкой для очистки мыска лаптя, далее следовало зачёрпывать им щи вновь. Не сказать, чтобы процедура в принципе была так уж сложна, но для новичков всё-таки изрядно утомительна. Следует отдать должное дрезденским баронам – они очень старались, доказательство патриотизма делом ценилось при дворе. Справедливости ради отметим: прозападная оппозиция на private parties графа Ар-

сения Карнавального столь же показательно вкушала санкционных устриц, и там, к стыду сказать, случилось всякое – включая скольжение барышень на деликатесе и падение кверху лапками, улетание раковин в сторону и поспешное запивание устричной плоти водкой; однако ж ели, нахваливая, ибо тем самым противодействовали отвратной политике царизма.

Вслед за Святополком тарелку очистил Пантелеймон и, вплотную приблизив губы к уху хозяина дома, шепнул по-немецки:

– Слушай, старик... у тебя скатерть цветов финского флага... не донёс бы кто...

– Ох ты гой еси, детинушка... – пролепетал фон Браунна старославянском, и сразу же перешёл на диалект «заксен». – Спасибо, прямо сейчас лакеям скажу, чтоб убрали.

Баранки вкушали уже на новой красной скатерти, слуг отослали в людскую, чтобы поговорить по-свойски. Под дружный хруст все пили чай с блюдеч гжельского сервиза – разгрызая колотый сахар, как и положено истинно русским, вприкуску.

– Тяжело, братья, патриотизм проявлять, – пожаловался Сидор Вкусноколбасцев. – Столько сложностей в этой России, и не всегда понимаешь, чего они хотят. Вот, например, пословица – «семь раз умер, один раз отрежь». Что она значит? Про зомби, который погибает только с седьмого раза? В Саксонии, уважаемые гешафтен, куда как проще.

– Нет-нет, – поправил его патриот Евпатий Медовухин, написавший целый цикл популярных книг о русской культуре и читавший лекции о богатстве русского языка почти без акцента. – На самом деле «семь раз на отмели, один раз отрок». То есть следует так понимать – только долгая групповуха на берегу моря способна сделать тебя мужчиной. Ты лингвистику местную поизучай с моё – у тебя волосы дыбом встанут. Какой ещё народ в мире может сказать «надень шапку нахуй, а то уши замёрзнут»?

Патриоты в благоговейном ужасе закрестились на икону.

– Это далеко не всё, – продолжил Медовухин. – Даже мне до сих пор трудно разобраться в многозначительности определения слова «хули». В одном случае, как «хули нам», оно означает храбрость, в другом – агрессию, как «хули тебе надо?». И наконец, неопределённую грустную житейскую философию отрицания, вроде «хули толку».

– Согласен, – кивнул Леопольд фон Браун. – Быть настоящим русским патриотом, носителем духовных скреп чрезвычайно сложно. Со щами я на удивление быстро освоился, но вот с водкой, конечно, жёсть полнейшая. Занюхивать рукавом и портянками, как советуют древние новгородские летописи, почти невозможно. Особенно в случае портянок – в продаже не нашёл, пришлось у подлеца Черрути заказывать. А он что с православных, что с лютеран три шкуры, сукин сын, снимет.

– Я мастер-класс по водке проходил, – грустно сознал-

ся Сидор Вкусноколбасцев. – У настоящего сэнсэя. Он две недели в сибирской тайге прожил, лама Тэнцзин Петрович Таши. Не помогло, со стакана валюсь. Да, так немцев и опознают, но ничего не поделать. И закуски тут, откровенно говоря, странные. Например, винегрет. Зачем делать салат с мёртвыми овощами? Сплошные солёности, и всё в красном, как в крови. Страшно.

– Я сам не понимаю, – поддержал беседу Пантелеймон Рюрикович. – У них вообще в еде сплошное вампирство. Борщ опять же, выглядит, как обед Дракулы, если чеснок исключить. Мерзкий салат из свёклы. И эта постоянная любовь к солёному лососю...

– Лосося нельзя упоминать, – быстро вставил Святополк.

– А, я хотел сказать «рыбка», – моментально поправился Пантелеймон. – Но нормальному человеку, ступившему на стезю патриотизма, надо себя годами мучить, чтобы к такой пище привыкнуть. То ли дело славные пиво да сосиски с кислой капустой, ох ты гой еси.

Бароны, как по команде, облизнулись.

– Ладно, гешафтен, – произнёс исконно русский патриот Леопольд фон Браун. – Первый мастер-класс по шам я для вас провёл, второй пойдёт лучше. В дальнейшем приносите с собой гусли – в кауф-центре «Руссиш Райх» продают, будем разучивать былины. А то вдруг кайзер спросит, а вы Василису Микулишну от Забавы Путятишны не отличите...

– У Забавы был фатер по имени Путятя? – удивился Си-

дор Вкусноколбасцев.

– А что?

– Да так, ничего, – сконфузился Вкусноколбасцев и умолк.

Леопольд назидательно погрозил коллеге указательным пальцем.

– Крайне важно не только разучивать пословицы, но и понимать их смысл, – менторским тоном сообщил он. – Это столь же безумно, как впервые впрыснуть сплясать, однако другого выхода нет. Если вы лишний раз щегольнёте перед кайзером нужной пословицей, он обязательно впоследствии оценит. Например, «каков поп, таков и приход» – вовсе не значит, что личностные качества русского священника обеспечивают разный уровень наркотического удовольствия. В Голландии логично такое говорить, здесь – нет. Или вот вообще полный кошмар: «В городе Казани пироги с глазами, их едят, а они глядят».

– Боже мой! – затрясся Евпатий Медовухин. – Да это ж хоррор какой-то!

– Как и вся жизнь в этом государстве, – пожал плечами Леопольд. – Посему вариантов у вас остаётся только два. Либо вы сойдёте с ума, либо привыкнете. Думаете, как остальные здесь живут? Я в первый раз ши увидел – от ужаса остолбенел. А сейчас вполне нормально.

Отпустив челядь и лично оделив каждого чаевыми со словами «исполать тебе, добрый молодец», Леопольд собрал гостей в отдельной комнате с мягкими подушками и стенами,

обитыми войлоком, – там постоянно работали электронные «заглушки», исключая возможность записи. Присутствующие с удовольствием возлегли на диваны, слегка путаясь в полах кафтанов. Боголюбский хозяйственно поднёс всем по стопочке. Выдохнули – и долго, морщась, жевали редьку, предаваясь мечтам о телячьих сосисках.

– Гешафтен, – заговорил хозяин дома, – полагаю, мы все знаем, что случилось в Корнилове. Ну, то есть не знаем, однако у нас имеется опасная негативная информация. И не дай Господь, она попадёт в уши кайзера. Конечно, его величество тщательно ограждают от плохих новостей, но сами понимаете... вдруг ему вздумается включить телевизор, или Квасов, будучи под мухой, ляпнет лишнего... Хотя это не главное. Нужно подготовиться к тому, что телевидение Северо-Американских Соединённых Штатов либо Британского королевства получит от разведслужб спутниковые фотографии трупов, лежащих на улицах Корнилова. И тогда от нас потребуют объяснений для народа.

– А что тут объяснять? – искренне удивился Медовухин. – ЦРУ, дальше и так ясно.

– Что ЦРУ? – мягко переспросил Боголюбский.

– Да всё ЦРУ, – спокойно сообщил Евпатий. – Чрезвычайно ведь удобное ведомство. Один раз я пришёл домой пьяный, с отпечатками помады на щеках и с запахом дамских духов. Когда жена начала скандал, я посадил её напротив себя и шесть часов рассказывал о роли североамерикан-

цев в фальсификации компромата на сановников империи. Как создают особо стойкие духи в лабораториях, как незаметно вспрыскивают с помощью шпионских ручек на улице, как замаскированные финские агенты ставят на нас отпечатки помады, и что ей точно подсыпали психотропные препараты в чай, если она вообразила, будто от меня пахнет алко-голем.

– Неужели помогло?

– Ещё бы. Её в сумасшедший дом отправили, сейчас живу один, так удобно.

– Ладно, – согласился Леопольд фон Браун. – ЦРУ берём на заметку, оно никогда не подводило. В остальном, господа, требуется покреативить. Можно, конечно, попросить сделать доллар по двести золотых, и тогда трудящимся империи станет не до событий в Корнилове. Но боюсь, вскорости начнутся погромы, и наши дома подожгут, а я только на прошлой неделе потолок себе в стиле Кустодиева самоварами да купчихами расписал. Главное, версия должна быть проимператорская, но на откуп новостным программам я её отдавать не хочу. Иначе они сделают репортаж о том, как население Корнилова скончалось от безумной любви к государю. Поверьте, они могут.

В этом факте, разумеется, никто не сомневался.

– Я бы предложил снять с эфира часть фильмов по причине «антимонархического содержания», – мягко заметил Сидор Вкусноколбасцев. – Конечно, за шестнадцать лет цар-

ствования его величества таковых практически не осталось, но если постараться, всегда можно найти. Скажем, «Зомбиленд» – если там вирус превратил людей в живых мертвецов, значит, и их царя тоже? В любом случае, когда утечку предотвратить не удастся, мы продемонстрируем жандармерии и министерству двора, что в суровое для России время не хуем груши околачивали, а, не жалея сил своих, денно и нощно стояли на страже интересов империи, отражая бездуховное влияние Запада.

– Кстати, господа, – задумался Граф-Людинксгаузен, – а кто-нибудь пробовал реально хуем груши околачивать? Судя по смыслу сей пословицы, это представляется чрезвычайно лёгким занятием, хотя сезонная уборка фруктов с помощью эрегированного полового органа кажется довольно непривычной. Представляете себе группу ленивых крестьян, какие, напевая весёлые песни, вместе, если так можно выразиться... ГМ...

Вопрос, что называется, повис в воздухе.

– Никто не пробовал, – быстро сказал Медовухин.

– Да вот и я тоже... – побледнел Граф-Людинксгаузен. – Я просто, в сущности...

– Стало быть, подготовим передачу о ЦРУ и запретим некоторое количество фильмов? – перебил коллегу-славянина Святополк Боголюбский. – Хорошо, но нужно ещё что-нибудь... шоу, например, развлекательное запустить, вроде «Голосище» или «Раздень Веру Холодную». Когда вся стра-

на садится смотреть телевизор... или как это сейчас по-русски?.. гуляй-ящик, она больше ни на что не отвлекается. Можно весь мёд втихую выкачать, никто не заметит... что, собственно, и происходит. Мир для них перестаёт существовать... У меня внезапно родилась идея – «Господь-шоу»! Знаменитости, артисты и политики станут каяться в грехах в прямом эфире – у кого исповедь наберёт больше очков эс-эмэс-голосованием зрителей, тот объявляется победителем. Проигравших ждёт падение в огромные люки, то есть символическое низвержение в геенну огненную. Что думаете?

Гости замерли, преисполнившись благоговения.

– Лео, ты супер! – первым восхитился Медовухин. – Конечно же, это всех отвлечёт, мозги вынесет в космос. Пора прямо сейчас начинать рекламу, а остальное по ходу дела уже забаваем. Будет не столь роскошно, как прежде, но это даже лучше: кризис ведь на дворе, нас определённо похвалят за экономию. Минуточку, сейчас позвоню режиссёру...

Согласовав детали «Господь-шоу», новые славяне подкрепились освящёнными баранками и вновь предались изучению зубодробительных русских пословиц.

Глава 8

Армия кошмаров

(перелётъ изъ Москвы на Мальту)

Алисе стоило нереального, просто титанического труда не завизжать, не затопать ногами и не убить Каледина на месте. Мешало огромное количество людей в VIP-зале аэродрома «Шереметьево». Следственная группа прибыла сюда полтора часа назад рейсом из Архангельска и теперь, попивая лимонад «Поддубный», ожидала вылета в Валетту. Собственно, в случившемся Каледин был вообще ни при чём, но от привычки, что он виноват во всём и всегда, отступить тоже не следовало, дабы не расхолаживаться. Алиса сжала кулаки, врезав ногти в ладони, и сухо спросила стоявшую перед ней Варвару:

– Дочь моя, объясни, какого игрушечного кролика ты делаешь в «Шереметьеве»?

– Я взломала твой яблосвон, – радостно сказала Варвара, – и наблюдала презентацию. Жуть как интересно – расследование, мертвецы, исчезнувшие люди. Всё, как я люблю, – вроде сказок, которые фатер всегда на ночь рассказывал (*убийственный взгляд Алисы в сторону Каледина*). Поэтому я объяснила гувернантке, что в шкафу живут чудовища и сие обстоятельство не даёт мне возможности уснуть по-

сле обеда. Она полезла туда посмотреть, дабы доказать мне безосновательность моих страхов, и я закрыла её внутри. После ухода позвонила в Службу спасения и попросила извлечь фрау Кноблех из шкафа. Вызвала «Жёлтый фаэтон», доехала до аэродрома, оплатив заранее данными твоей карточки, сказала персоналу, что потерялась и ищу VIP-зал – ибо где ж ты ещё-то можешь быть. Мутер, я просто обожаю приключения! Скоро я пойду в гимназию, и у меня наступит скучная жизнь вплоть до замужества, когда я наконец-то смогу развлекаться, собачась с супругом круглосуточно, как ты с папой. Я лечу с вами!

Ещё в середине этой речи Алиса всем сердцем и умом поняла зловещую героиню древнегреческого эпоса Медею, прикончившую своих детей. Крикам ярости по-прежнему мешало наличие Шварца и Майлова, с любопытством наблюдавших за сценой.

– Тыыыы... – сбиваясь на змеиное шипение, заговорила Алиса. – Ты сейчас же поедешь домоооооой... я позвоню в полицию, и тебя заберут под охраной...

Варвара переложила мороженое в другую руку и цинично усмехнулась. Встав на цыпочки и дотянувшись поближе к лицу мамочки, она довольно-таки спокойно и доходчиво прошептала:

– Я предлагаю договориться, мутер Трахтенберг. Боюсь, иначе мне придётся рассказать о снимке в твоём яблозвоне, селфи со свидания в ресторане «Бавария» с герцогом Гес-

сен-Дармштадским на прошлой неделе. Вы там оба такие довольные... правда, не знаю, понравится ли это папе... ты же знаешь, он у нас отчаянный дуэлянт, о майн готт...

Шварц не услышал ни единого слова – он лишь видел, как полыхнули огнём глаза Алисы. Стоит отметить, что Хайнц Модестович без повязки оказался стандартным саксонцем – с плоским лицом, невыразительным маленьким носом, сжатыми в ниточку губами и крайне жидкими, прилипшими к черепу светлыми волосами. На фоне громадного горбоносого Майлова и щёголя-блондина Каледина обер-медэксперт проигрывал зрительно, но его это не волновало. С оттенком уважения он посмотрел на Фёдора:

– У вас такая умная дочь, – восхищённо заметил Хайнц Модестович. – Сколько ей лет?

– Семь, хотя по жизненному опыту я легко дал бы и тридцать, – сказал Каледин. – Искренне не советую с ней связываться. Это человек, способный ради мороженого устроить государственный переворот. Она обожает приключения, мистику и фильмы ужасов. В три года, имея при себе запас сухарей, шоколада и воды, сбежала из детского сада с целью попасть на Гаити и остаться там в качестве жреца вуду. В пять лет уже читала на двух языках, отгадывала телевизионные викторины и взламывала пароли от домашнего компьютера. Мне страшно подумать, что с ней случится в двенадцать.

– Возможно, она станет государыней, – любезно улыбнулся обер-медэксперт Шварц.

– Да. Причём самодержавной, потому что императора она отправит в сибирскую ссылку.

Хайнц Модестович перестал улыбаться.

Алиса, таща дочь за руку, двинулась к стойке авиакомпания «Двуглавый орёл» – покупать билет в салон первого класса для Варвары (получив в собственность золотую карточку «Visa-Патриотъ», она не могла действовать иначе). Каледин сделал из этого свои выводы и прикинул, что лететь будет весело. В предположениях он ничуть не ошибся.

...В салоне первого класса Алиса и Фёдор сели рядом. Сзади разместились обер-медэксперт Хайнц Шварц и Варвара Каледина. Скромного Майлова, настаивавшего на экономе, уговорили лететь вместе только обещанием бесплатного алкоголя в любых количествах. Воздух-барышня (как на новославянском именовали стюардесс) разнесла напитки, и Алиса, откинувшись на спинку кресла, злобно посмотрела на Каледина. Тот подмигнул.

– Не думай, что я тебя простила, – проинформировала графиня фон Трахтенберг.

– А мне это нужно? – осведомился Каледин. – Как-то я вроде и не умолял.

– Будешь, – твёрдо пообещала Алиса.

– Жду с нетерпением, – пожал плечами Фёдор.

Алиса на секунду замялась.

– Слушай, – сказала она. – А после нашего развода... ну... у тебя кто-нибудь был?

Ответ последовал не сразу – Фёдор чувствовал себя сапёром, идущим по минному полю. Одно неправильное движение (в данном случае – слово), и от него не найдут даже фрагментов ДНК. Однако затягивать было нельзя – всё могло кончиться очень плохо.

– А как ты сама думаешь?

Вопрос был дурацкий, но помог выиграть время на пару секунд. Этого вполне хватило для лихорадочных мыслей о второй фразе.

Алиса вдруг поняла: знать правду она не хочет.

– Я полагаю, что не было, – произнесла она сквозь зубы.

– Ну, вот видишь, – обрадовался Каледин своим шансам на жизнь. – Так оно и есть.

– Но с другой стороны, я тут подумала... если ты вызываешь на дуэль моих кавалеров, я имею право требовать сатисфакции от дам, заявляющих права на тебя. Ты ведь знаешь, государь император подписал петицию суфражисток,¹² уравнивая возможности женщин и мужчин в дуэльном кодексе. Так что уверена, мне надо разобраться, кому ты там, скотина, втихую отправляешь эсэмэски, хотя рухлядь вроде твоего телефона, конечно же, не взломать. Для первой дуэли я выберу снайперскую винтовку. Уложу соперницу наповал. Ты помнишь, я в последнее время активно занималась спортив-

¹² От фр. *suffrage*, «избирательное право». Представительницы женского движения за возможность участвовать в выборах в XIX–XX вв. В России прекрасный пол получил шанс ходить на участки в 1906 г. на территории Финляндии и в марте 1917 г. после Февральской революции – раньше, чем в США.

ной стрельбой?

Каледин растёр похолодевшие кончики пальцев.

– Тебе некого вызывать. Клянусь могилой дядюшки.

– Он ещё жив.

– Я на будущее.

...Варвара оценивающе посмотрела на Хайнца Модестовича. Тот казённо улыбнулся, но холодный взгляд дочери Калединых-Трахтенбергов заставил его ощутить тревогу. Она напоминала ему маленькую вдову – зловещая блондинка с рыжинкой в волосах, одетая в тёмное платье с чёрными кружевами в виде пауков и красные, как кровь, туфельки.

– У вас, наверное, куклы с собой? – деликатно спросил Шварц.

– Какие куклы? – удивилась Варвара, глядя на собеседника карими глазами. – У меня их с трёх лет нету, сударь. Одну я выпотрошила кухонным ножом, дабы изучить её анатомию. У другой отрезала голову, когда мы с папой изображали его командировку на Гаити и я выступала в качестве лидера обезглавленных зомби. Третью запекла в микроволновке, играя в «ужин людоеда». По причине моих невинных игр родители с десятков гувернанток сменили: одна лечит нервный срыв, двое ходят на курсы психологической реабилитации, к последней недавно вернулся дар речи. Про судьбу остальных мне не рассказывали.

Хайнц Модестович издал странный горловой звук – нечто вроде «угумс» или «магму».

– Я предлагаю соглашение, – благосклонно произнесла Варвара. – Моё общество могут переносить только мутер и фатер, да и то далеко не каждый день. Гувернантка, которая в дурдоме, была уверена, что в моё тело вселился дьявол. Сударь, всё очень просто: вы сейчас идёте и приносите мне мороженое. Это гарантия, что вы долетите до места назначения в здравом уме.

У обер-медэксперта Шварца отвисла челюсть.

В этот краткий, но эмоционально насыщенный момент он успел подумать о многом. В мозгу искрой пронеслась мысль: двадцать пять лет каторги за убийство семьи Калединых-Трахтенбергов в полном составе – в принципе не так уж и страшно. Накатившая волна холодного бешенства разбилась о камень сожаления – вспомнилось, что в самолётах пассажирам не выдают парашютов, – и затащила Хайнца Модестовича в чёрный омут безысходности. Он открыл рот, дабы высказать ужасной девице всё раз и навсегда, но наткнулся на её взгляд. Варвара смотрела на медэксперта, как генерал на проштрафившегося солдата.

– Мороженое, – отчеканила она. – Сейчас. У вас десять минут, сударь. Время пошло.

Шварц, не глядя на Варвару, поднялся и, сжав зубы, пошёл в конец самолёта.

Он миновал скромного Майлова, изучавшего листочек с меню бара.

– Простите, барышня, – робко говорил вахмистр, – а вот

«беленькая» сколько стоит?

– Бесплатно, – улыбалась выдавая виды стюардесса.

– Агась, – вникал Майлов. – А вторая стопочка тоже бесплатно?

– Да.

– А если вдруг третья?

– Хоть ведро, – не выдержала воздух-барышня.

Майлов завёл глаза к потолку и крайне удовлетворённо возблагодарил все святых.

– Хорошо, – констатировал казак. – Тогда ведро мне и принесите.

– Что будете кушать? – поинтересовалась бортпроводница.

Майлов непонимающе уставился на неё.

– Вот её-то, родимую, – произнёс он, предчувствуя блаженство, – я и буду кушать.

...Каледин и Алиса между тем, временно свернув со скользкой тематики амурных походов, обсуждали ситуацию с массовым убийством в городе Корнилове. Оба смаковали греческий бренди «Метакса», предоставленный авиакомпанией. Из патриотических соображений его полагалось разбавлять квасом, однако Алиса умудрилась протащить на борт пару банок кока-колы. Коктейль добавлял беседе философии.

– Ну, если серьёзно, что, по-твоему, это может быть? – поинтересовался Каледин.

– Первая мысль, приходящая в голову, – колдовство, – ответила Алиса. – На самом деле, какая у нас есть информация о средневековых волхвах? Мы слишком материалистичны, хотя жизнь убеждает нас в обратном. Меж тем магией занимались очень серьёзные умы, и инквизиция боролась с ней не зря – потому что магия *существовала*. Но тут колдовство такого уровня... как ядерная ракета. Никто из колдунов раньше не уничтожал целый город.

– У меня первая мысль – жертвоприношение, – кивнул Каледин. – Очень похоже на стиль, процветавший в Вавилонском царстве, а также на религию «народов моря» – тех самых филистимлян, чьи дивизии в Библии изрядно потрепал силач Самсон. Причём ведь никто не знал, откуда взялись эти люди – согласно летописям, они пришли из ниоткуда, словно всплыли с морского дна... очень давно, примерно пять тысяч лет назад. Отменные воины, филистимляне предали огню города побережья Ханаана. Главным филистимским божеством был Дагон – получеловек, полурыба, способный жить как на суше, так и в воде. Он считался повелителем океанов, морских существ, а аккадские цари верили, что Дагон – отец бога Баал-Хаммона... да-да, того самого, Алиса.¹³

Трахтенберг слегка поперхнулась «Метаксой».

– И что? – спросила тревожно она. – Ты думаешь, он пришёл за нами?

¹³ Каледин и Алиса обсуждают события, изложенные в книге «Печать Луны».

– А смысл ему так поступать? – резонно заметил Каледин. – Мы-то лично Баал-Хаммону ничего не сделали. Вообще, тебе известно, в чём наша нынешняя проблема? В неведении. Христианство отменило существование прежних богов, заявив: это ложные идолы. И все сказали: «Аааааа, ну конечно», – и принялись поклоняться распятию. Никто не попытался сесть и поразмыслить – интересно, вдруг эти боги действительно существовали и в прежние времена были не менее, а то и более могущественны, чем сам Иисус?

Графиня, запрокинув голову, залпом допила бренди.

– Я читала про Дагона у Лавкрафта... Жутчайшее, мерзкое существо.

– Хотел бы я прочитать у Лавкрафта про миленьких веснушчатых девочек в розовых бантиках, – усмехнулся Каледин. – Он в принципе с других вещей популярен стал – чтобы, закрыв последнюю страницу, люди месяц заикались, ночью просыпались в холодном поту и получали инфаркт, если скрипнет половица. Конечно, его Дагон хуже крокодила.

– Прямо как ты.

– На меня похожа наша дочь.

– Я тебя ненавижу.

– Спасибо, ты мне тоже не очень нравишься. – Каледин разлил по стаканам остатки бренди. – Так вот, – продолжил он. – Дагону, по обычаям того времени, приносили жертвы. Массово. Не по десять-двадцать человек. Тысячами. В основном перед урожаем или военным походом. Пленных, ра-

бов, девушек покорённых народов связывали сетями и топили в море под молитвы жрецов. В древности развлекаться подобным образом было модно, синематографа и гуляй-ящика не было. Но это далеко не всё. Потом утопленников вытаскивали из воды и выкладывали на суше в виде различных фигур – треугольников, открытого глаза... и в частности, цветка.

Алиса подпрыгнула на месте, едва не разлив «Метаксу».

– Так что ты молчал?!

– Ты же знаешь – я по натуре тормоз. Вертелось что-то в голове, за кончик мысль поймать не мог. А сейчас осенило. Да и ты с таким упоительно королевским видом толкала умную речь, что совсем не хотелось портить тебе малину. Ну, Шварца, разумеется, желательно тоже было уесть, а то слишком умный нашёлся на нашу голову.

– Ты мой лапочка.

– Отблагодаришь в постели?

– Мечтай.

Оба, не сговариваясь, покончили с «Метаксой».

– Так значит, банально – жертвоприношение в честь древних богов? – уточнила Алиса.

– Не вполне, – ответил Каледин. – До моря-то идти и идти. Тут правильно сто раз подметили – что ж, силы зла всё население Корнилова специально на поезде топиться возили? Не сходится. В твоей версии о загадочно пропавших группах людей больше логики... хотя да, почему тела не исчезли

сейчас? Ладно. Может быть, мы имеем своеобразный микс твоей и моей идеи. И это прекрасно, поскольку болтовня о том, что во всём виноваты поповские древние божества вроде Ахурамазды, уже надоела. Возьми любую книгу, первый попавшийся фильм из области мистики – боги в каждой бочке затычка. Я не знаю, как тебя, а меня до оскомины заколебал этот банальный сюжет.

– На прежних богов в мейнстриме привычно всё валить, – согласилась Алиса. – Но понять режиссёров и писателей можно. Ассортимент монстров в древнем мире – на все вкусы, выбирай не хочу, и психов, готовых проливать кровь, словно водицу, во имя своих кумиров, во все времена было предостаточно. Я бы не списывала вариант Дагона или Иштар со счетов. Вот представь себе, Фёдор... ну так, примерно, теоретически... скажем, ты у нас – древний бог.

– Представил, – после краткого раздумья заявил Каледин.

– И в тебя никто не верит...

– Да мне по хрену...

– Я не об этом. Просто чисто философски поразмысли...

– Мне всё ещё по хрену.

– Да боже мой! Тебе так трудно? Что за натура?! Что ты за сволочь вообще?!

– (*Вдох.*) Ладно. Я бог.

– У меня желание отпало это обсуждать. Ты не бог, а мерзавец и тварь, Каледин.

– Ещё по стаканчику?

– Наливай.

...Медэксперт Шварц, увидев, что Варвара уснула, осторожно поднялся с кресла. Девочка без промедления открыла глаза, вонзив ему в спину пронзительный взгляд.

– Я вас не отпускала, сударь.

– Ещё мороженого? – обречённо спросил Хайнц Модестович.

– Да.

Штабс-капитан подумал, что если он сейчас выбросится из самолёта без парашюта, его поймут все без исключения. «Не семья, а армия кошмаров. – Он покосился на смеющихся в креслах впереди Фёдора и Алису. – Остаётся лишь радоваться, что они не завели двоих или троих детей». Шварц поднялся и двинулся по салону, миновав мирно дремлющего вахмистра Майлова, в порыве нежности обнявшего опустевшее ведро. Самолёт плавно снижался – за иллюминаторами мелькнули огни ночного города, лётчик объявил по громкой связи о посадке. Ускорив шаг, Шварц зашёл за шторку, где неподалёку от туалета кучковались стюардессы, поднял глаза и замер – в лоб ему смотрел пистолет.

– Пожалуйста, тихо... – сказал человек в синей форме спокойным, бархатным голосом.

Проблеск № 3

Последний храм

(граница с Египтом, 402 г.)

Они долго шагали через пустыню. Всю ночь. Горстка воинов, всего одна центурия, сотня человек, зато как на подбор – безжалостные меченосцы, принявшие боевое крещение в Константинополе в сражении с остготской нечистью.¹⁴ Лучший отряд знаменитого Августова легиона, сформированного самим Юлием Цезарем. Лошадей пришлось оставить: конница привлекает излишнее внимание, а им оно вовсе не требовалось. Центурион Константин Флавий разрешал короткие остановки, чтобы утолить жажду и вознести молитвы – все его легионеры, кроме чернокожего нубийца, были христианами. Подумать только, какое-то жалкое столетие назад за тайное поклонение прибитому к кресту жителю Иудеи без разговоров бросали на съедение львам. Но сейчас всё повернулось иначе – по приказу благородного императора Аркадия,

¹⁴ Имеется в виду восстание против готов в Константинополе в 400 г., когда, возмущившись поведением варваров, жители перебили незваных гостей.

правителя Востока, сына великого Феодосия и брата властителя Запада Гонория,¹⁵ солдаты повсеместно разрушают языческие святилища с целью оставить в государстве одну религию – церковь сладчайшего Иисуса Христа. Их сохранилось совсем мало. По пальцам счесть. Но во имя святого креста, от капищ не должно уцелеть и камня на камне. Ещё достаточно свежа память о кратком периоде правления Юлиана Отступника,¹⁶ рискнувшего, пусть и неудачно, вернуть империю во власть язычества. Подобных действий в будущем следует избегать: пусть «поганым» станет негде молиться и класть жертвы на алтари.

¹⁵ В 395 г., согласно завещанию императора Феодосия Великого, Римская империя была разделена на Западную и Восточную между сыновьями августа Гонорием и Аркадием. Формально обе части назывались одинаково.

¹⁶ Юлиан Отступник – римский император в 363–364 гг., попытался сменить в государстве христианство на язычество в качестве ведущей религии, однако потерпел неудачу. После его смерти империя вернулась к христианству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.